

ЧЕРНИГОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ.

Годовая цѣна 4 р. 50 к.
съ пересылкою.

№ 9.

Подписка принимается
въ редакціи „Черниговскихъ
Епархіальныхъ Извѣстій“, въ
зданіи Черниговской Духов-
ной Семинаріи.

1 Мая (годъ XXIV). **1884** года.

Содержаніе: I. Высочайшій Манифестъ. — II. Распоряженія Высшаго Правительства. —
III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — IV. Разныя извѣстія.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій
Князь Константинъ Константиновичъ, съ согласія На-
шего и Августѣйшихъ Родителей своихъ, вступилъ

въ бракъ съ Дочерью Его Герцогскаго Высочества Принца Морица Саксенъ-Альтенбургскаго, Герцога Саксонскаго, Принцессою Елисаветою Саксенъ-Альтенбургскою, Герцогинею Саксонскою, и въ 15 день сего апрѣля торжественно совершено въ Нашемъ присутствіи бракосочетаніе Ихъ въ соборной церкви Зимняго Дворца, по уставамъ Нашей православной церкви. Возвѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая Супругу Великаго Князя Константина Константиновича именовать Великою Княгинею Елисаветою Маврикіевною, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполне убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединять теплыя мольбы ихъ съ Нашими къ Всемогущему и всемилосердному Богу о дарованіи постоянного, неизблемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 15 день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертое, Царствованія же Нашего въ четвертое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ приложеніемъ Высочайшаго Манифеста о совершившемся бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Константиновича съ Ея Герцогскимъ Высочествомъ, Принцессою Елисаветою Саксенъ-Альтенбургскою, Герцогинею Саксонскою.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 16-го сего Апрѣля за № 1680, печатный экземпляръ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста, состоявшагося въ 15 день текущаго мѣсяца, о совершившемся бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Константиновича съ Ея Герцогскимъ Высочествомъ Принцессою Елисаветою Саксенъ-Альтенбургскою, Герцогинею Саксонскою. Приказали: О всерадостномъ торжествѣ благополучно совершившагося бракосочетанія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Константиновича съ Ея Герцогскимъ Высочествомъ, Принцессою Елисаветою Саксенъ-Альтенбургскою, Герцогинею Саксонскою, объявивъ указами Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторамъ, Синодальнымъ Членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, Главному Священнику

Арміи и Флотовъ и Завѣдывающему Придворнымъ Духовенствомъ, а также ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ, предписать имъ: по предварительномъ сношеніи съ гражданскими начальствами, прочтя во всѣхъ городскихъ, соборныхъ и приходскихъ церквахъ, въ первый, по полученіи сихъ указовъ, а въ сельскихъ и монастырскихъ въ первый же Воскресный или праздничный день, Высочайшій Манифестъ предъ Литургіею, отправить торжественное благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и трехдневнымъ звономъ (кромѣ тѣхъ церквей, гдѣ таковое уже совершено по особому распоряженію). Апрѣля 17 дня 1884 года.

III. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Черниговская Духовная Консисторія слушала: журналъ Обще-епархіальнаго Съѣзда депутатовъ духовенства Черниговской епархіи 17 Января сего года слѣдующаго содержанія: Депутаты духовенства въ количествѣ 74 человекъ слушали рапортъ благочиннаго 3-го округа Кролевецкаго уѣзда слѣдующаго содержанія: церкви его благочинія такъ бѣдны, что положительно не въ состояніи взносить всѣхъ сборовъ на духовно-учебныя заведенія, при сдачѣ годовыхъ отчетностей, большая часть

остается въ долгу; церковные старосты получаютъ свѣчи изъ его склада въ долгъ и вообще крайне тягостятся непосильными взносами въ ущербъ церковнаго благолѣпія, утвари и настоятельно необходимыхъ починокъ, — которымъ ходатайствуетъ, чтобы открыты были уѣздные благотинническіе сѣзды для распредѣленія сборовъ сообразно средствамъ каждаго округа на содержаніе окружныхъ училищъ, постройки новаго епархіальнаго и проч., принявъ нормою доходы 1868 года, по указанію Св. Синода при установленіи % сборовъ; и — подобнаго рода словесное заявленіе депутатовъ отъ духовенства Конотопскаго уѣзда. Постановили: просить Духовную Консисторію, дабы предписано было благотиннымъ Кroleвецкаго и Конотопскаго уѣздовъ, открыть благотинническіе сѣзды для распредѣленія сборовъ, не выходя изъ той общей цифры окладовъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, которые падали на Кroleвскій и Конотопскій уѣзды въ 1883 году. Приказали: копію журнала сѣзда депутатовъ духовенства Черниговской епархіи препроводить въ Редакцію Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій для напечатанія къ свѣдѣнію и исполненію со стороны духовенства, Кroleвецкаго и Конотопскаго уѣздовъ.

Въ томъ IX Св. зак. о сост. изд. 1876 года ст 1041 сказано: священникъ совершивъ св. Крещеніе надъ младенцомъ иноприходнымъ обязанъ событіе это

внести въ метрику своей церкви и о томъ передать записку для приложенія къ метрику того прихода, къ которому принадлежит новоокрещенный младенецъ; а какъ изъ производящихся въ консисторіи дѣлъ открывается, что священники совершивъ крещеніе надъ иноприходными новорожденными младенцами незаносываютъ помянутыхъ событій въ метрики своихъ церквей, а передаютъ свѣдѣніе объ окрещеніи младенцевъ или лично ихъ приходскому священнику или чрезъ воспріемниковъ, для внесенія въ метрики при приходскихъ церквей, отъ чего не рѣдко происходятъ пропуски по метрическимъ записямъ объ окрещенныхъ, то Черниговское епархіальное начальство подтверждаетъ духовенству о точномъ исполненіи вышепроеписаннаго закона.

Черниговская духовная консисторія, усматривая изъ донесенія депутата, по размежеванію ружныхъ церковныхъ земель, священника села Заборья, Суражскаго уѣзда, Павла Щегловитова и вообще изъ дѣлопроизводства этого рода, что межевое вѣдомство произвело ко многимъ церквамъ Черниговской епархіи окончательную наръзку земель какъ ружныхъ, такъ и церковныхъ, но на право безспорнаго владѣнія землями этими не имѣется при церквахъ ни плановъ ни другихъ законныхъ документовъ отъ межеваго вѣдомства; а между тѣмъ нерѣдко возникаютъ между причтами и прихожанами недоразумѣнія о принадлежности од-

нихъ земель собственно церкви, а другихъ въ ружное пользованіе причтовъ, и независимо отъ этого бываютъ и такіе случаи, что частныя лица присвоиваютъ нѣкоторыя части сихъ земель въ свою собственность и для того уничтожаютъ межевые знаки, — признала необходимымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы всѣ церкви Черниговской епархіи обязательно имѣли на принадлежащія церквамъ и въ ругу причтамъ земли, окончательно наръзанныя межевымъ вѣдомствомъ, выкопировки съ плановъ, почему опредѣленіемъ своимъ, Его Преосвященствомъ 29 марта 1884 г. утвержденнымъ, постановила: предписать приходскому духовенству церквами Черниговской епархіи, что бы они о выдачѣ въ ихъ церкви на сказанныя земли выкопировокъ съ плановъ непосредственно обратились съ прошеніями въ Черниговскую межевую палату, гдѣ не окончено размежеваніе, а тамъ гдѣ таковое окончено, въ Черниговскую губернскую чертежню и по полученіи таковыхъ уплачивали за оныя изъ церковныхъ суммъ оной палатѣ или губернской чертежнѣ потребную сумму; о чемъ къ должному исполненію и для надлежащаго наблюденія со стороны мѣстныхъ Благочинныхъ припечатать это опредѣленіе въ епархіальныхъ извѣстіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписать особыми циркулярными указами, чтобы причты, по полученіи прописанныхъ выкопировокъ, внесли ихъ въ церковную опись и показывали по клировамъ вѣдомостямъ. Въ Черниговскую же межевую палату и

губернскую чертежню, сообщивъ о семъ, просить сдѣлать распоряженіе о удовлетвореніи причтовыхъ прошеній по объясненному предмету.

Черниговская духовная консисторія предписываетъ монастырскимъ начальствамъ Черниговской епархіи, чтобы они въ донесеніяхъ своихъ о смерти монашествующихъ и послушникахъ, обозначали подъ какимъ номеромъ событіе смерти записано по метрическимъ книгамъ.

III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Маршрутъ для обозрѣнія епархіи Его Преосвященствомъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1884 года.

Мѣста слѣдованія.	Число перерывей.	Число верстъ.	Время слѣдованія.	Обозначеніе причтовъ, которые должны явиться съ документами для ревизіи въ мѣста назначенныя для ночлега.
<i>Черниговскаго уѣзда.</i>				
Брусилловъ . . .	1	18	15 Іюня (Пятн.)	
Защт. г. Березное	4	15		
<i>Городницкаго у.</i>				
С. Кучиновка .	1	16		
— Шмель .	1	5		

<i>Сосницкаго у.</i>					
С. Ченелевка . . .	1	12			
М. Тихоновичи . . .	1	14	Ночлеги.		Охрамѣвичъ и
— Перелюбъ . . .	—	13	16 Юня (Суб.)		Турьи.
С. Тополевка . . .	1	11			
<i>Новозыбковскаго у.</i>					
С. Орликовка . . .	1	5			
Каменскій мон. . .	1	7			
М. Семеновка . . .	3	20	Ночлеги и служе- ніе 17 Юня.		Хотѣвки и Же- лѣзнаго моста.
Карповичи . . .	1	13	17 Юня (Воск.)		
Бровничи . . .	1	4			
Новый-Ропскъ . . .	2	6			
Любечаны . . .	1	4			
Лобановка . . .	1	6			
Рубежное . . .	1	6			
Топаль . . .	1	7	Ночлеги.		Баташина, Кривца, Нижняго и Биваевъ.
<i>Стародубскаго у.</i>					
Горчаки . . .	1	8	18 Юня (Пон.)		
Литовскъ . . .	1	7			
Ст. Холѣвичи . . .	1	4			
Нов. Холѣвичи . . .	1	2			
Кустичи . . .	1	5			
С. Цятоскъ . . .	1	6			
<i>Суражскаго у.</i>					
Старая Гута . . .	1	15			
Кулаги . . .	1	10			

Г. Суражъ . . .	1	10	Ночлегъ.	Душатиная, Дро-
С. Овчинецъ . .	1	6	19 Июня (Втор.)	кова и Далисичъ.
Ляличи . . .	1	6		
<i>Млинскаго у.</i>				
Лопазня . . .	1	4		
Симонтовка . .	1	10		
Г. Мглинъ . . .	4	6	Ночлегъ.	Нетяговки, Че-
Дивовка . . .	1	16	20 Июня (Сред.)	шукъ, Шуморо-
Старопочепье .	1	16		ва, Соколовки,
Чопово . . .	1	5		Осколкова и Мо-
М. Почепъ . . .	6	9		лодькова.
Ивойтенки . .	1	24	Ночлегъ.	Котляковъ, Ко-
<i>Стародубскаго у.</i>				
Савостьяны . .	1	12	21 Июня (Четв.)	лачева, Старо-
Юдиново . . .	1	5		задубенья и Стри-
Посудичи . . .	1	8		гова.
Заш. г. Погарь.	4	7		
Дарфевскъ . .	1	14		
<i>Новгородсверскаго.</i>				
М. Гремячъ . .	2	9		
Камень . . .	1	7		
Очкинъ . . .	1	8	Ночлегъ.	Кренидовки, Ме-
Журавка . . .	1	6	22 Июня (Пяти.)	еодовки, Колпин-
Хильчичи . . .	1	6		ки и Пушкарей.
Жиховъ . . .	1	16		
Пигаровка . . .	1	10		
Каменка . . .	1	6		

<i>Глуховскаго у.</i>				
Дорошовка . . .	1	6		
М. Ямноть . . .	2	12	Ночлеги.	Шатрица, Ор-
Усокъ . . .	1	8	23 Июня (Суб.)	ловки, Палъев-
Гамалъевскій м.	1	8		ки и Гремячки.
Локотки . . .	1	2		
М. Воронежъ . .	4	12	Ночлеги и служе-	Клишекъ, Ма-
Землянка . . .	1	16	нiе 24 Июня.	кова и Слоута.
М. Дубовичи . .	1	4	24 Июня (Воск.)	
Тулиголовъ . .	2	4		
Ярославецъ . .	1	6		
Кочерги . . .	1	11		
Петро-Павлов-				
скій мон. . . .	1	13	Ночлеги.	Будища, Бан-
Волокитино . .	1	14	25 Июня (Пон.)	ничъ, Викторова
Литвиновичи . .	1	12		и Холопки.
<i>Кролевецкаго у.</i>				
Мутинъ	1	10		
<i>Конотопскаго у.</i>				
Гуты	1	16		
Г. Конотопъ . .	6	10	Ночлеги.	Выровки, По-
Красное	1	18	26 Июня (Втор.)	повки, Подлиппа-
Бахмачъ	2	14		го, Шаповаловки,
				Семяновки и Оза-
				ричь.
<i>Борзискаго у.</i>				
Пески	1	9		
Красилровка . .	1	4		
Б. Загоровки . .	1	6		

М. Загоровки . . .	1	10			
Прохоры . . .	1	12	Ночлегъ.		Комаровки, Си-
Евлашевка . . .	1	8	27 Юня (Сред.)		воложи, Бурков-
Британы . . .	1	7			ки, Хорошаго
Кладьковка . . .	1	12			Озера и Плисокъ.
<i>Нъжинскаго у.</i>					
Хибаловка . . .	1	8			
<i>Черниговскаго у.</i>					
М. С. Дѣвица . . .	2	8			
Ковчинъ	1	7			
Горбовъ	1	8			
Черниговъ	—	20			

Священникъ с. Буровки, Городницкаго уѣзда, Іоаннъ Осиповъ, 19 Апрѣля, перемѣщенъ къ Васильевской церкви г. Городни.

— Въ селѣ Качановкѣ, Борзенскаго уѣзда, коштомъ землевладѣльца с. Качановки Василия Тернавскаго, открыта церковно-приходская школа въ коей началось обученіе дѣтей 16 Генваря 1884 года; учительницею въ школѣ состоитъ дочь священника—окончившая курсъ наукъ въ Черниговскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ Клавдія Михайлова Подгорская, а преподаваніемъ закона Божія—мѣстный священникъ Иванъ Крижановскій. Учащихся 80 человекъ, изъ коихъ 73 мальчика и 7 дѣвочекъ.

— Согласно избранію духовенства, по опредѣленію Епархіальнаго начальства 23 Марта сего года состоявшемуся, утверждены: во 2 округѣ, Остерскаго уѣзда, священникъ Ілія Шеляговскій, и священникъ Петръ Радченко—членами благочинническаго совѣта, а священники: Ананій Добриловскій и Николай Грабовскій—кандидатами. Священники: Василій Філоновскій и Евтихій Бордоносъ—членами благочинническаго совѣта, въ 1-мъ округѣ, Борзенскаго уѣзда, а священники: Григорій Радченко и Хрисанфъ Соломаха—кандидатами. Священники: Никита Рахинскій и Никита Пастуховъ—членами благочинническаго совѣта, въ 2-мъ округѣ, Кролевецкаго уѣзда, а священники: Навель Тарасенко и Михаилъ Виницкій—кандидатами. Священники: Арсеній Лашнюковъ и Петръ Покащевскій—членами благочинническаго совѣта, въ 5 округѣ, Остерскаго уѣзда, а священникъ Ѳеодоръ Чудновскій—кандидатомъ. Священникъ Михаилъ Флеровъ—членомъ благочинническаго совѣта, въ 1-мъ округѣ, Глуховскаго уѣзда, а священникъ Алексій Шекунъ—кандидатомъ.

Свѣдѣніе о вакантныхъ мѣстахъ священниковъ въ Черниговской епархіи.

Черниговскаго уѣзда:

1 Настоятеля при Покровской церкви села Колыты; при церкви: прихожанъ 1211 д. м. п.; ружной земли

36 д.; домъ общественный; вакантно съ 30 Ноября 1883 года.

Суражскаго уѣзда:

2. Помощника настоятеля при Введенской церкви с. Городечни; при церкви: прихожанъ 887 д. м. п.; земли усадебной 2 д. и сѣнокосной 85 д.; домъ общественный; вакантно съ 9 Сентября 1882 г.

3. Помощника настоятеля, при Успенской церкви с. Летаховъ; въ обоихъ приходахъ душъ м. п. 1876; земли усадебной 9 д. пахатной 81 д. и сѣнокосной 61 д.; дома нѣтъ; вакантно съ давняго времени.

4. Помощника настоятеля при Благовѣщенской п. села Рожновъ; при церкви: прихожанъ 434 д. м. п.; ружной земли 80 д. неудобной; домъ общественный; вакантно съ 14 Февраля 1884 г.

5. Помощника настоятеля при Покровской церкви села Высокоселища; при церкви: прихожанъ 541 д. м. п.; усадебной земли $1\frac{1}{2}$ д. пахатной и сѣнокосной не извѣстное количество; дома нѣтъ; вакантно съ 2-го Ноября 1873 г.

6. Помощника настоятеля при Іоанно-Богословской церкви села Творишина; при церкви: прихожанъ 965 д. м. п.; домъ имѣется; вакантно съ 1884 г.

Новозыбковскаго уѣзда:

7. Настоятеля при Успенской церкви с. Лысыхъ; при церкви: прихожанъ 868 д. м. п.; ружной земли 33 д.; дома неимѣется; вакантно съ 24 Августа 1883 г.

8. Настоятеля при Петро-Павловской церкви села Добродѣевки; при церкви: прихожанъ 744 д. м. п.; ружной земли 33 д.; домъ общественный; вакантно съ 3-го Сентября 1881 г.

Глуховскаго уѣзда:

9. Помощника настоятеля при Рождество-Богородицкой церкви с. Викторова; при церкви: прихожанъ 323 д. м. п.; ружной земли нѣтъ, дома неимѣется; вакантно съ 9 Апрѣля 1880 г.

Городнянскаго уѣзда:

10. Помощника настоятеля при Покровской церкви с. Бутовки; при церкви: прихожанъ 272 д. м. п.; ружной земли 49½ д.; домъ общественный; вакантно съ давняго времени.

11. Помощника настоятеля при Покровской церкви села Голубичъ при церкви: прихожанъ 727 д. м. п.; ружной земли 33 д.; домъ общественный; вакантно съ 23 Марта 1884 г.

12. При церкви с. Бурковки; при церкви: прихожанъ 707 д. м. п.; ружной земли 34 д.; домъ церковный; вакантно съ 19 Апрѣля 1884 г.

Стародубскаго уѣзда:

13. Помощника настоятеля при Благовѣщенской православной ц. посада Воронка; при церкви: прихожанъ 188 д. м. и 174 д. м. п.; ружной земли нѣтъ,

жалованье для священника 250 р.; домъ общественный; вакантно съ 21 Августа 1883 г.

14. Помощника настоятеля при Димитріевской ц. с. Алефина; при церкви: прихожанъ 359 д. м. п.; ружной земли 30 д.; дома нѣтъ; вакантно съ 23 Сентября 1883 г.

15. Настоятеля при Николаевской церкви заштатнаго г. Погара; при церкви: прихожанъ 237 д. м. п.; ружной земли 27½ д.; дома нѣтъ; вакантно съ 3 Декабря 1883 г.

16. Помощника настоятеля при Ильинской церкви села Суходолья; при церкви: прихожанъ 630 д. м. п.; ружной земли 36 д.; домъ общественный; вакантно съ 13 Февраля 1883 г.

Милитскаго уѣзда:

17. Помощника настоятеля при Васильевской ц. с. Велікой-Дубровы; при церкви: прихожанъ 518 д. м. п.; ружной земли 30 д.; дома неимѣется; вакантно съ давняго времени.

18. Помощника настоятеля при Михайловской ц. с. Демьянова; при церкви: прихожанъ 584 д. м. п.; ружной земли нѣтъ; дома нѣтъ; вакантно съ давняго времени.

19. Помощника настоятеля при Николаевской ц. с. Высокаго; при церкви: прихожанъ 339 д. м. п.; ружной земли 12 д.; дома неимѣется; вакантно съ давняго времени.

20. Помощника настоятеля при Покровской церкви с. Ввлогощи; при церкви: прихожанъ 596 д. м. п.; ружной земли 43 д.; дома нѣтъ; вакантно съ 1882 г.

21. Помощника настоятеля при Николаевской церкви села Луговца; при церкви: прихожанъ 887 д. м. п.; ружной земли неимѣется; дома нѣтъ; вакантно съ 1877 г.

22. Помощника настоятеля при Рождество-Богородичной церкви села Доманичь; при церкви: прихожанъ 775 д. м. п.; ружной земли 36 д.; дома неимѣется; вакантно съ 18 Марта 1884 г.

23. Настоятеля при Воскресенской церкви села Новыхъ-Чешуекъ; при церкви: прихожанъ 992 д. м. п.; вакантно съ 8 Марта 1884 г.

Сосницкаго уѣзда:

24. При Петро-Павловской церкви села Максаковъ; при церкви: прихожанъ 515 д. м. п.; земли ружной 41 д.; домъ общественный; вакантно съ 11 Марта 1884 г.

Единосельскіе приходы:

25. При Покровской церкви посада Злынки Ново-зыбковскаго уѣзда; при церкви: прихожанъ 35 д. м. п. 32 д. ж. п.; ружной земли неизвѣстно сколько; дома нѣтъ; вакантно съ 22 Ноября 1882 г.

26. При Казанской церкви посада Климовой Ново-зыбковскаго уѣзда; при церквахъ: прихожанъ 10 д. м. п.; ружной земли неимѣется; дома нѣтъ; вакантно съ давняго времени.

27. При Успенской церкви посада Лужковъ; при церкви: прихожанъ 10 д. м. п.; домъ общественный; вакантно съ 6 Февраля 1884 г.

28. При Успенской церкви м. Серединой-Буды Новгородсверскаго уѣзда: при церкви: прихожанъ 7 д. м. м. п.; домъ для священника вовсе негодный и священникъ нанимаетъ на свои средства квартиру; вакантно съ 9 Февраля 1884 г.

Въ прежде открытыя попечительства избраны, на три года при церквяхъ: 1) Покровской села Фаевки, председателемъ—крестьянинъ-собственникъ Иванъ Яковлевъ Кулага; а членами—козаки: Антонъ Максимовъ Савченко, Степанъ Павловъ Аврамецъ и крестьяне-собственники: Акимъ Терентіевъ Почитай, Федоръ Васильевъ Раевскій, и Петръ Николаевъ Кулага; 2) Рождество-Богородичной села Ивота, Новгородсверскаго уѣзда, председателемъ—Межевщикъ Александръ Кондратьевъ Бѣлоусъ, а членами: исправляющіе должность псаломщиковъ—Иванъ Корѣйна и Алексѣй Ковальковский, губернский секретарь Евграфъ Мухоморовъ, коллежскій регистраторъ Иванъ Мешетичъ, козаки: Дементій Радченко, Матвій Шербакъ, Семенъ Бонько, Филиппъ Осначъ, Гурій Радченко, Семенъ Орловскій, Владиміръ Ригаевъ, Денисъ Галай, Прокофій Короткевичъ, Спиридонъ Самоновъ и мѣщанинъ Максимъ Подгорскій. 3) Воскресенской села Злѣва, пред-

сѣдателемъ — мѣщанинъ Сильвестръ Іосифовъ Шулу-
ня; а членами — козаки: Павелъ Акимовъ Сердюкъ,
Радіонъ Губарь, Прокофій Бобровникъ, Иванъ Василь-
евъ Бобровникъ, Николай Бобровникъ, и Емельянъ
Коханый; крестьяне собственники: Говъ Лута, Евфремъ
Ященко, Даміанъ Ященко, Ілія Деревенко, Федотъ
Дѣдушенко, Евстафій Кодратенко, Павелъ Мавчанъ,
Афанасій Минчукъ, Лазарь Лысенко, Матвій Хандо-
гій, Лаврентій Томилко, Каленикъ Томилко и казен-
ный крестьянинъ Даміанъ Семеняка. 4) Воскресенской
м. Любеча, Городницкаго Пуѣзда, предсѣдателемъ —
крестьянинъ-собственникъ Андрей Яковлевъ Анищен-
ко; а членами — крестьяне собственники: Данилъ Сте-
фановъ Морозъ, Трофимъ Ивановъ Хахолъ, Филиппъ
Архиповъ Шинкаренко, Михайлъ Петровъ Анищенко,
Григорій Ивановъ Гончаренко, Кондратъ Ивановъ
Котляренко, Леонтій Григорьевъ Котляренко, Василій
Дубьяновъ Приходко, Василій Георгіевъ Мелешко,
Платонъ Александровъ Каливошъ, Трофимъ Федоровъ
Плиска, Прокофій Артемоновъ Чайковскій, Григорій
Антоновъ Цопокъ, Григорій Романовъ Трихлѣбъ и
Козьма Игнатъевъ Трихлѣбъ; Казенные крестьяне:
Федоръ Лаврентіевъ Торчишникъ, Данилъ Васильевъ
Павленокъ, Василій Тимофѣевъ Палъи, Кузьма Алек-
сандровъ Палъи, Владиміръ Артемовъ Журъ и Саму-
иль Петровъ Журъ; козаки: Александръ Афанасіевъ
Шуманъ, Иванъ Самуиловъ Шуманъ, Димитрій, Гри-
горіевъ Богунъ, Василій Борисовъ Шеремецкій, Иванъ

Семеновъ Богушъ и Григорій Нестеровъ Богушъ Казначей попечительства Левъ Алексѣевъ Кольшета, помощникъ козначея Филиппъ Архиповъ Шинкаренко. 5) Архистратиго-Михайловской села Комаровки, Борзенскаго уѣзда, Предсѣдателемъ — козакъ Кондрать Евфимовъ Дуля; а членами: козакъ Петръ Васильевъ Артеменко, унтеръ-офицеръ Яковъ Самуиловъ Обидовскій, солдатъ Макарій Симеоновъ Колодыко, и казаки: Симеонъ Григорьевъ Яцуъ и Іосифъ Васильевъ Фесенко. 6) Михайловской села Орловки, предсѣдателемъ — козакъ Гаврило Ивановъ Мацвѣйко, на два года. 7) Константино-Еленинской села Синяковъ, Нѣжинскаго уѣзда, предсѣдателемъ дворянинъ Петръ Владиміровъ Петровскій; членами — крестьяне: Алексѣй Ефимовъ Богданъ, Архипъ Прокофіевъ Отрощенко, Даниль Евфимовъ Богданъ, Никита Максимовъ Шлаганъ, Епифанъ Димитріевъ Старицкій, Никита Ивановъ Шапка; казаки: Семень Мироновъ Градобиевъ, Иванъ Карповъ Градобиевъ и Михаилъ Григорьевъ Опанасенко. 8) Преображенской м. Воронежа, Глуховскаго уѣзда, Предсѣдателемъ — Священникъ Василій Андреевъ; членами: коллежскій секретарь Арсеній Васильевъ Александровичъ, коллежскій регистраторъ Іоаннъ Яковлевъ Трембицкій и безчиновные дворяне: Гавріиль Стефановъ Крысло и Иванъ Димитріевъ Вересотскій; казаки: Кондрать Михайловъ Гречко, Даниль Емельяновъ Иващенко, Климентій Антоновъ Гречко, Илья Парфентіевъ Чайка, Василій Алексан-

Получены въ консисторіи деньги: а) на палестину — отъ кафедральнаго собора 1 р. 50 к., казначея Батуринскаго монастыря іеромонаха Филарета 37 к., благоточинныхъ: Пучковскаго 15 р. 30 к., Тимошевскаго 2 р. 78 к., Пиневича 19 р. 80 к., Стопановскаго 7 р. 20 к., Морачевскаго 6 р. 75 к., Щемелинова 3 р. 58 к., Чернявскаго 6 р. 98 к., Рознатовскаго 10 р. 58 к., Вишневскаго 4 р. 30 к., Діомидова 6 р. 53 к., Тимошевскаго 5 р. 71 к., Левицкаго 3 р. 39 к., Горбика 3 руб. 2 коп., Имшенецкаго 5 руб. 71 коп., Лявданскаго 3 руб. 50 коп., Вихрова 3 руб. 34 коп., Чудновскаго 5 руб. 47 коп., и Скорины 8 р. 37 к.; б) на Кавказъ — отъ кафедральнаго собора 1 руб. 20 к., казначея Батуринскаго монастыря іеромонаха Филарета 43 коп., благоточинныхъ: Пучковскаго 4 р. 95 к., Пиневича 11 р. 1 к., Стопановскаго 5 р. 28 к., Морачевскаго 7 р. 69 к., Щемелинова 4 р. 17 к., Чернявскаго 10 р. 93 к., Рознатовскаго 16 р. 25 к., Вишневскаго 4 р. 71 к., Діомидова 10 р., Томашевскаго 8 р. 15 к., Горбика 2 р. и Томашевскаго 2 р. 41½ к., отъ настоятеля Нѣжинскаго монастыря архимандрита Григорія 50 к., и благоточинныхъ: Скорины 6 р. 85 к., Чудновскаго 3 руб. 9 коп., Имшенецкаго 9 руб. 96 коп., Лявданскаго 1 руб. 65 коп., и Вихрова 4 руб. 64 к.; в) въ пользу Гроба Господня — отъ казначея Батуринскаго монастыря іеромонаха Филарета 52 к., и благоточинныхъ: Пучковскаго 20 к., Томашевскаго 54 к., Пиневича 7 р. 16 к., Сто-

пановскаго 4 р. 37 к., Морачевскаго 3 р. 52 к., Чер-
 нявскаго 1 р. 30 к., Рознатовскаго 5 р. 72 к., Виш-
 невскаго 5 р. 64 к., Діомидова 1 р. 32 к., Томашев-
 скаго 5 р. 16 к., Левицкаго 1 р. 27 к., Горбика 2 р.
 47 к., Рєлицкаго 3 р. 30 к., Николаевскаго 2 р. 10 к.,
 Крещановскаго 3 р. 28 к., Карпинскаго 2 р. 4 к.,
 Гурскаго 2 р. 95 к., и Исаенка 6 р. 53 к., отъ на-
 стоятеля Нѣжинскаго монастыря архимандрита Гри-
 горія 50 к., и благочинныхъ Чудновскаго 5 р. 55 к.,
 Имшенецкаго 1 р. 77 к., Лявданскаго 1 р., и Вих-
 рова 3 р. 99 к.; г) на выписку пробѣльныхъ листовъ;
 отъ благочинныхъ: Флерова 21 р. 66 к., Митькевича 92 р.,
 Стопановскаго 66 р. 81 к., Пучковскаго 85 р. 5 к.,
 Томашевскаго 57 р. 27 к., Свяцкаго 36 р. 44 к., Пи-
 невича 55 р. 71 к., Морачевскаго 76 р. 3 к., Баку-
 ревича 119 р. 40 к., Обуховскаго 52 р. 93 к., Чер-
 нявскаго 61 р. 76 к., Вишневскаго 57 р. 76 к., Діоми-
 дова 91 р. 66 к., Томашевскаго 37 р. 54 к., Горбика
 70 р. 85 к., кафедральнаго собора 2 р. 67 к., Красов-
 скаго 62 р. 26 к., Томашевскаго 38 р. 52 к., Руса-
 новича 28 р. 33 к., Левитскаго 50 р. 98 к., Золо-
 това 49 р. 45 к., Рембаловича 58 р. 6 к., Липскаго
 58 р., Цыганнова 48 р. 33 к., Виногралскаго 49 р.
 96 к., Добрянскаго 64 р., Лапчинскаго 38 р. 79 к.,
 Бывалькевича 66 р. 20 к., Рожалина 43 р. 20 к.,
 Мироненка 46 р., Крещановскаго 68 р. 70 к., Кар-
 пинскаго 26 р. 84 к., Гурскаго 94 р. 72½ к.,
 Исаенка 70 р. 93 к., Чудновскаго 42 р. 43 к., и Ско-

рины 101 р. 52 к.; д) въ пользу красного креста—
отъ благочинныхъ: Шиневича 7 р. 97 к., Морачев-
скаго 16 р. 60 к., Шемелинова 2 р. 5 к., Евфимія
Томашевского 5 р. 61 к., Петра Томашевского 91 к.,
Левитскаго 8 р. 97 к., Золотова 1 р. 82 к., Митьке-
вича 8 р. 44 к., Виноградскаго 5 р. 86 к., Томашев-
скаго 3 р. 5 к., Русановича 3 р. 52 к., Бывалькевича
14 р. 23 к., Чудновскаго 2 р. 87 к., и настоятеля
Нѣжинскаго монастыря архимандрита Григорія 14 р.
38 к.; е) на Западныя губерніи—отъ благочинныхъ:
Чудновскаго 2 р. 17 к., Скорины 4 р. 72 к., и на-
стоятеля Нѣжинскаго монастыря архимандрита Гри-
горія 1 р. 20 к., отъ благочинныхъ: Имшенецкаго
5 р. 60 к., Ляданскаго 2 р. 9 к., Вихрова 2 р.
80 к., Ладухина 7 р. 68 к., Обуховскаго 1 р. 37 к.,
Николаевскаго 2 р. 92 к., Свяцкаго 2 р. 24 к., Мат-
вѣенкова 5 р. 95 к., Крещановскаго 2 р. 62 к., Кар-
пинскаго 1 р. 65 к., Гурскаго 6 р. 90 к., Исаенка
7 р. 48 к., Рклицкаго 1 р., отъ каедральнаго собора
1 р. 15 к., казначея Батуринскаго монастыря іеромо-
наха Филарета 38 к.

Редакторъ, Протоіерей **І. БУРИМОВЪ.**

Печ. дозв.: Цензоръ, Каедральный Протоіерей *Григорій Діаконскі.* 3 Мая

1884 года. Черниговъ Губернская Типографія.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ

ЧЕРНИГОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

къ № 9^{-му}

1-го мая

(ГОДЪ XXIV).

1884 года.

Содержаніе: I. Долгъ пастырскаго служенія въ примѣненіи къ нашему времени. — II. Пасха Господня. — III. Рѣчь, произнесенная въ домѣ Преосвященнаго Веніамина, Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго 12 Апрѣля. — IV. Рѣчь, произнесенная 13 Апрѣля въ Архіерейскомъ домѣ. — V. Педагогъ древняго классическаго міра философъ Совратъ. — VI. Поученіе въ Великій Пятокъ предъ Плащаницею. — VII. Объявленіе.

I. Долгъ пастырскаго служенія въ примѣненіи къ нашему времени.

(Изъ перваго поученія къ одесской паствѣ преосвященнаго Никонора, епископа херсонскаго и одесскаго).

Современный церковный витія и богословъ-мыслитель Еписк. Никаноръ во вступительной рѣчи своей къ паствѣ одесской, съ обычною ему силой, полнотою и оригинальностію изображаетъ высокое призваніе пастырства по духу православной Церкви въ примѣненіи къ потребностямъ современной жизни русскаго обще-

ства и народа. Слово архипастыря исполнено высокаго поучительнаго значенія и руководства не для однихъ пастырей одесской, но и всей русской церкви. Считаемо полезнымъ предложить ту часть этого возвышеннаго поученія, въ которой архипастырь витія въ лицѣ своемъ, очерчиваетъ весь кругъ обязанностей, лежащихъ на всѣхъ русскихъ пастыряхъ, какъ ихъ высокій *долгъ*, святой *обязъ* предъ Богомъ. Редакція.

— Долженъ есмь и общаю, Богу содѣйствующу, служить долгу церковнаго учительства, возбуждая къ его исполненію и ввѣренное моему епископству духовное пастырство, напоминая другимъ, какъ и себѣ самому, заповѣдь Апостола: „проповѣдуй слово, настой благовременнѣе и безвременнѣе, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ“, подкрѣпляя эту апостольскую заповѣдь грознымъ апостольскимъ же словомъ: „аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы: горе же мнѣ, аще не благовѣствую“; разъясняя моимъ сопастырямъ постоянно, что пастырская проповѣдь, усиленная и настойчивая, стала запросомъ времени нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо; что нашъ православно-русскій народъ въ большинствѣ своемъ былъ до сего времени младенцемъ, спящимъ на лонѣ матери-церкви; что сладкъ сердцемъ, но полу-безсознательно умомъ прислушиваясь къ священнымъ пѣснямъ своей святой матери-церкви и далеко не всегда даже понимая ихъ, онъ сладкъ почивалъ сознаніемъ, онъ вѣрилъ, не

испытывая, и тепло, и ему было ясно свѣтъ, вкусная бла-
женство вѣры полной, несомнѣнной, но полусознатель-
ной; что сознание его относительно знанія предметовъ
вѣры было неразвито до поразительнѣйшей, до почти
невѣроятной степени; что теперь въ наше тревожное,
скажу, критическое время, критическое въ двухъ
смыслахъ: въ смыслъ пробужденія всесторонней кри-
тики касательно прежнихъ вѣрованій и въ смыслъ
кризиса—перехода отъ старозавѣстныхъ преданій къ
новому складу жизни и смысла, сознание народа про-
буждается къ самодѣятельности, часто уродливой, но
отважной и упрямой; что будятъ его всею всѣхъ сто-
ронъ, и особенно настойчиво будятъ такъ называемые
передовики, непрошенные, незванные, печальники
благоденствія народа, разрушая его вѣковую сладкую
дремоту, что они толкуютъ народу, что сладость его
жизни была сладостью не болѣе какъ чарующаго сно-
видѣнія, увлекающей грезы; что народъ повсемѣстно
и всесторонне прислушивается къ этимъ гибельнымъ
прельстительнымъ внушеніямъ и, неотрезвляемый на-
стойчивымъ вразумляющимъ голосомъ духовнаго па-
стырства, проесть свои собственные кладязи ученія
знанія и мудрости,—кладязи сокрушенные, разломан-
ные, которые вмѣсто чистой воды истиннаго здравомы-
слия источаютъ только муть и грязь, вонь и за-
разу; что если мы, православные пастыри, богоприз-
ванные просвѣтители народа, не возьмемъ нынѣ
общими, дружными и неотступными усилиями за

развитіе народнаго сознанія въ духѣ Церкви, въ духѣ Бога и отце-преданнаго намъ православія, то чрезъ какую либо четверть вѣка выпустимъ изъ рукъ и всякіе способы поправить въ народномъ убѣжденіи губельно разрастающееся зло; что намъ крайне необходимо сознать и преступно было бы не сознать, не выполнить, — правду сказать, — значительно забытый, крѣпко упущенный изъ виду, первый долгъ духовнаго пастырства, первую основную для него заповѣдь Основателя Церкви своимъ посланникамъ, пастырямъ Церкви: „шедше, научите народы; шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари“. и повѣство-
 онъ Долженъ есмь и предъ Богомъ общаю, пока силы служатъ, трудиться въ благочинномъ уставномъ священнослуженіи, требуя того же и отъ подвѣдомаго мнѣ сопастырства, напоминая себѣ и ему и всѣмъ, что уставы церковные писаны и чинопослѣдовамя священнодѣйствій составлены и переданы намъ на соблюденіе не для того, чтобы ихъ смѣлою рукой безнаказанно, произвольно, иногда даже по прихоти своей или другихъ широко нарушать, урѣзывать, искажать и безобразить поспѣшностью и небрежнымъ отправленіемъ, или же неосвященными церковнымъ духомъ плеоназмами, искусственностію, иногда даже уродливостію церковнаго чтенія, особенно же пѣнія; что благолѣпное, строго вѣрное духу отцовъ соблюденіе устава церковнаго вводитъ въ постиженіе не-сказанно высокой красоты нашего православнаго бо-

послуженія; что строго благолѣпное, особенно въ центральныхъ храмахъ, священнодѣйствіе бываетъ видно и слышно далеко за стѣнами храма, осіявая и гармонически углашая своимъ священнолѣпіемъ самыя дальніе, самыя глухіе углы края, проникая своимъ отраженіемъ и отзвукомъ иногда даже до конецъ земли; что мы, духовные, впадаемъ въ глубокую ошибку, думая угождать прихоти будто бы общества, а въ сущности поблажая собственной немощи и небреженію, крайнимъ сокращеніемъ и поспѣшнымъ выполненіемъ церковнаго богослуженія; что общество, правда, легко и удобно устраниая себя отъ излишняго для сего лѣности и холодности труда продолжительнаго отстаиванія Божіихъ службъ, въ то же время все повально соблазняется, когда и духовные чины, призванные славословить Бога непрестанно, также заботливо облегчаютъ себя въ трудѣ неустаннаго ангело-подобнаго предстоянія Богу день и ночь, напротивъ все безъ исключенія улаживается сознаниемъ, что духовный чинъ долготерпѣливо править службу Божию, улаживаясь въ сердцѣ и упокоиваясь въ духѣ самымъ звукомъ церковнаго колокола, когда онъ надъ суетою грѣшнаго міра и многомятежнымъ шумомъ градскимъ раздается утру, глубоку или же близко къ полуночи; что среди нашего народа имѣется еще множество людей, какъ по городамъ, такъ и по селеніямъ и по разнымъ угламъ всякаго края, конечно, и этого края, людей, которые ревниво дорожатъ

святинею богослужебнаго устава, дрожа надъ каждою его буквой, легкомысленно опускаемой или же искажаемой; которые, имже образомъ явлены желаети на источники водные, расце не стремятся душею къ Богу и священнодѣлію Божіей службы нашихъ монастырей, каковы Кіево-Печерская Лавра или же святыи Аѳоны; что мѣрою святой Аѳонской или же Кіево-печерской горы народъ мѣряетъ всякую святиню повсюднаго священнодѣйствія, и если усматриваетъ, что иное священнодѣйствіе далеко отходить отъ Аѳонскаго или же Кіево-Печерскаго идеала, то склоненъ чутъ въ такомъ отступленіи даже не святиню, а знѣ что ей противоположное, чуть не мерзость заупустѣнія, водворяющуюся на мѣстѣ святы; и духъ народный тогда отвращается отъ пастырства, небрепущаго святыни своего долга, и оборачивая къ духовнымъ пастырямъ хребетъ, гонитъ ревнителей святолюбной старины въ пустыни духовныя или даже вещественныя, тогда и водворяетъ ихъ, чая Бога спасающаго отъ малодушія и отъ бури и отъ смятенія помысловъ, которые не находятъ себѣ упокоенія въ непоручномъ старо-завѣтномъ благочиніи Церкви.
 Долженъ есмь и обязуюсь предъ Богомъ право править слово истины и перешедшею на мое смиреніе, другъ другопріимательно отъ святыхъ апостоловъ властію суда и вразумленія, обращающаго ближайшее вниманіе на свою духовную братію, а уже чрезъ нее бодрствуя надъ соблюденіемъ заповѣдей Господнихъ и христіанъ

скаго порядка жизни и во всей Церкви, соблюдая
 правоту духовнаго суда, растворяя правду ми-
 лосердіемъ, поддерживая немощное отеческою благо-
 снисходительностію и воспитательною предусматри-
 тельностію, но возбуждая ослабѣвающее или же упор-
 ное и мѣрами вразумленія щедро поощряя усердныхъ,
 а не же труждающихся въ словѣ и ученіи, сихъ
 послѣднихъ сугубымъ воздаяніемъ чести; настойчиво
 напоминая нашей духовной братіи, что уходитъ
 время несдержанныхъ обнаруженій, такъ называемой,
 широкой русской природы, время русской размашисто-
 сти, небреженія о своей священнической чести, время
 открытаго, не стѣсняющагося проявленія своихъ не-
 мощей или пороковъ; напоминая о крайней нуждѣ
 пеющихся о сохраненіи пастырской чести даже между
 внѣшними, о внимательномъ устраненіи нарушеній
 даже обычаевъ церковныхъ, объ устраненіи легкаго
 отношенія къ требованіямъ даже внѣшности, усвоен-
 ной временемъ и исторически воспитавшимся церков-
 нымъ духомъ пастырямъ Церкви; напоминая, что
 бдительная трезвенность и достолюбезное напряженіе
 архипастырской власти спасительны; возвышая духъ
 нашей братіи, огревая ее отъ тяготящихся на ней
 укоровъ въ апатіи, небреженіи, распущенности, даже
 будто бы въ безправственности; общей и повальной:
 „русское де-духовенство безправственно“. Это я самъ
 слышалъ собственными ушами отъ одного иностран-
 наго брата-славянина, что повторяется изъ конца въ

конецъ въ слухъ всей Россіи, да и всего свѣта нашими врагами; что у Церкви въ наше время враговъ больше, чѣмъ было въ предшествоующіе вѣка, и эти враги, пользуясь нетрезвеннымъ вниманіемъ къ себѣ и своимъ поступкамъ нашей духовной братіи, обобщаютъ иныя трустныя явленія, преувеличивая ихъ безъ конца, чтобъ ронять дѣло Церкви, которую они ненавидятъ, и вѣры, которой они отверглись; что такимъ образомъ съ одной стороны на насъ, какъ на служителей Божіихъ, падаютъ поношенія поносящихъ Бога враговъ Божіихъ, а съ другой — на насъ ради хулится имя Божіе во языцѣхъ.

II. Пасха Господня.

(Окончаніе).

Пасхальная утрена существеннымъ образомъ отличается отъ всякой другой праздничной утрени: не бываетъ на ней чтенія шестопсалмья, каеизмъ: не поется полудей и воскресные непорочны, не читается утреннее воскресное евангеліе, не поется также и великое словесловіе, — почему же это? Что касается чтенія шестопсалмья и каеизмъ, то на это нужно сказать, во 1-хъ, что церковь въ этотъ торжественный день вообще замѣнила чтеніе пѣніемъ, такъ какъ только пѣніе способно выразить всѣ мельчайшія движенія человеческого чувства, а не разговорная форма рѣчи, поэтому-то человекъ, находясь подъ вліяніемъ глубокаго чувства, обыкновенно поетъ; во 2-хъ, шестопсалмие указываетъ намъ на время

рожденія І. Христа и изображаетъ состояніе падшаго, еще неискупленнаго Христомъ человѣчества, а чтеніе канонизмъ напоминаетъ намъ о погребеніи Христа; само собою разумѣется, что такія воспоминанія не соотвѣтствуютъ торжеству праздника, на которомъ церковь хочетъ всецѣло сосредоточить наше вниманіе. Но почему же не поется полудей, не читается воскресное евангеліе, не поется великое словословіе? Полудей не поется потому, что вся пасхальная утренняя представляетъ собою одинъ торжественно-хвальный гимнъ въ честь Воскресшаго изъ мертвыхъ, потому, что теперь не время исповѣдываться Господу въ своихъ нуждахъ и скорбяхъ, а время восхвалять Его. Равнымъ образомъ, нужно-ли слушать рассказъ о воскресеніи Христа, предлагаемый въ евангеліи, когда мы сами пережили тѣ мысли и чувства, которыя были пережиты мучениками, сами *„утру глубоко“, „еще сущей тмѣ“* текли съ ними ко гробу, слышали вѣсть о воскресеніи Христа, любящимъ сердцемъ ощущали Его присутствіе и объятые радостью воспѣли торжественную пѣснь Воскресшему изъ мертвыхъ. На этомъ же самомъ основаніи не поются и воскресные ненорочны; а великое словословіе не поется потому, что нѣкоторые выраженія его имѣютъ покаянный характеръ и не гармонируютъ поэтому съ торжествами праздника; Теперь не время скорби о грѣхахъ, *„никтоже да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство. Никтоже да плачетъ прегрѣшеній, прошеніе бо отъ гроба возсія“*. (Оглас. слово въ день Пасх. св. І. Злат.). Таже духовная радость, которая выражается во всѣхъ пѣснопѣніяхъ утрени, окрыляетъ и часы Пасхи. Они пролетаютъ въ пѣснопѣніяхъ, и каждая пѣснь гласитъ о побѣдѣ Христа надъ смертію и адомъ. И всѣ эти пѣсни начинаются и оканчиваются пѣніемъ *„Христосъ Вос-*

кресе», какъ выраженіемъ такой великой радости, которой не могутъ вмѣстить въ сердцахъ своихъ вѣрующіе.

Литургія въ день Пасхи совершается обыкновенная, св. І. Златоустаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей. Одну изъ самыхъ торжественныхъ минутъ пасхальной литургіи, когда она совершается соборно, составляетъ чтеніе евангелія, которымъ изображается вселенская проповѣдь апостоловъ всѣмъ разнымъ народамъ и на всѣхъ языкахъ. Читается зачало изъ евангелія Іоанна, любимѣйшаго ученика І. Христа, ясно открывшаго намъ тайну Его божества: «*Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово*».... Настоятель, стоя у престола, первый читаетъ евангеліе по славянски, раздѣляя его на отдѣлы. По прочтеніи имъ перваго отдѣла, читаютъ тоже самое сослужащіе пресвитеры на разныхъ языкахъ. Внѣ же алтара становятся въ рядъ одинъ за другимъ отъ амвона до западныхъ дверей діаконы, или одинъ изъ діаконовъ на амвонѣ, а другіе у западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ дверей церкви, которая въ это время изображаетъ собою вселенную; и читаютъ одинъ за другимъ тѣже отдѣлы по славянски. По прочтеніи каждаго отдѣла бываетъ ударъ въ колоколь, а по окончаніи всего чтенія звонъ во всѣ колокола—въ знакъ торжества Христовой церкви, имѣющей дѣтей во всѣхъ странахъ земного шара.

Вотъ съ какимъ торжествомъ мы *празднуемъ смерти умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало и играюще* (радуясь) поемъ *Виночника* нашего торжества.

Съ праздникомъ Пасхи соединяются нѣкоторые обычаи получившіе начало въ глубокой древности и цѣликомъ сохраненные православною церковію до настоящаго времени. Къ числу этихъ обычаевъ относятся: дареніе другъ другу

красныхъ яицъ при христосованіи, приготовленіе артоса и освященіе ѣствъ. Откуда появились и что значать они?— Постараемся отвѣтить на эти вопросы.

Обычай дарить другъ другу при христосованіи красныя яйца ведетъ свое начало съ самой глубокой древности. Преданіе говоритъ слѣдующее объ его происхожденіи.—Годъ спустя послѣ вознесенія І. Христа на небо, Марія Магдалина отправилась въ Римъ, явилась къ императору Тиверію, поднесла ему красное яйцо, сказавъ: «Христосъ воскресъ»! и этими словами начала свою проповѣдь о Христѣ. Когда вѣсть о такомъ поступкѣ Маріи Магдалины разнеслась между христіанами, они стали подражать ей и, привѣтствуя въ свѣтлый праздникъ другъ друга словами «Христосъ воскресъ»!, стали дарить другъ другу красныя яйца.

Но это преданіе не объясняетъ всей сущности дѣла,—является вопросъ: почему же Марія Магдалина поднесла Тиверію именно красное яйцо? Не могъ-ли показаться Тиверію страннымъ и обиднымъ такой подарокъ? Кромѣ того, неужели этотъ поступокъ Маріи Магдалины самъ по себѣ былъ такъ важенъ въ глазахъ христіанъ, что они сочли нужнымъ ежегодно вспоминать его? На эти вопросы можно отвѣтить слѣдующимъ предположеніемъ, которое не будетъ противорѣчить упомянутому преданію. Извѣстно, что у Римлянъ, евреевъ и нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ народовъ былъ обычай въ новый годъ дѣлать другъ другу взаимныя поздравленія и подарки которыми первоначально были лакомства, какъ-то: медъ, плоды и конфеты, означавшіе символически качество пожеланій. *) Къ числу такихъ подарковъ относилось и крас-

*) Въ Грекохъ и Римлянъ.—Вилишскаго Стр. 482.

ное яйцо, какъ символъ надежды на новую, свѣтлую жизнь. Въ виду такого свѣтлаго обычая поднесеніе Маріею Магдалиною Тиверію краснаго яйца представляется дѣломъ весьма естественнымъ. Марія Магдалина изъ всѣхъ видовъ подарковъ могла остановиться на красномъ яйцѣ, которое въ глазахъ ея, какъ христіанки, имѣло еще болѣе глубокой символической смыслъ: оно, заключаая въ мертвой скорлупѣ зародышъ жизни, напоминало ей собою гробъ Христовъ, въ которомъ былъ заключенъ зародышъ, начатокъ всеобщей жизни—Христосъ, изшедшій изъ гроба подобно птенцу, выходящему изъ скорлупы яйца. Отсюда является понятною и рѣчь Маріи Магдалины, при поднесеніи Тиверію яйца, о воскресеніи Христа.

Само собою разумѣется, что и между христіанами! удержался обычай дѣлать въ новый годъ другъ другу взаимныя подарки, но такъ какъ новый церковный годъ они стали начинать со дня Пасхи, *) то и самые подарки были перемѣнены на этотъ день. Изъ всѣхъ подарковъ они остановились на красномъ яйцѣ, какъ самомъ дорогомъ для нихъ по своему символическому смыслу: красное яйцо напоминало собою и гробъ Христовъ, который *«воистинну и чертога всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій»*, какъ *«источникъ нашего воскресенія»* (Троп. Пасх. часовъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ прекраснымъ символомъ вѣры и надежды христіанъ. Даря другъ другу красное яйцо, они какъ-бы говорили другъ другу: мы вѣримъ, что Христосъ воскресъ; вѣримъ, что и наша жизнь здѣсь на землѣ подобна жизни птенца въ яйцѣ. Какъ полная широкая жизнь птенца начнется только по

*) Real. encikloped. der Christlich. Anterthümer. Kraus, стр. 395.

сокрушеніи скорлупы и выхода птенца изъ нея, такъ и наша жизнь въ тѣлѣ есть только жизнь въ зародышѣ, а настоящая наша жизнь полная, широкая, свѣтлая, купленная намъ цѣною крови Христовой, начнется только тогда, когда душа наша выйдетъ изъ оковъ этого брэннаго тѣла. Но какъ для жизни птенца, заключеннаго въ яйцѣ, необходимо, чтобы онъ былъ обятъ, проникнутъ и возбужденъ теплотою крови матерней, такъ точно необходимо, чтобы въ нашемъ тѣлѣ заключенный зародышъ небесной жизни былъ обятъ, проникнутъ и возбужденъ животворящею силой Крови Христовой, (символомъ которой и служить красная краска яйца).

Обычай дарить другъ другу въ день Пасхи красныя яйца существовалъ нѣкогда между всѣми христіанами, но потомъ западная церковь забыла его, какъ забыла и самый обычай христосованья; сохранила его неизмѣнно невредимо только православная церковь и соблюдаетъ до настоящаго времени. Другой обычай, существующій въ православной церкви, тоже завѣтъ сѣдой старины, — это приготовленіе къ Пасхѣ артоса. *) Артосъ называется хлѣбъ довольно большой величины, обыкновенно покрытый со всѣхъ сторонъ листовымъ золотомъ или разными красками; на верхней части его дѣлается изображеніе воскресенія Христа или просто крестъ съ надписью «Христосъ воскресъ». По окончаніи литургіи надъ артосомъ прочитывается молитва, **) въ которой призывается на него благословеніе Божіе, потомъ онъ окропляется святою водою и поставляется обыкновенно предъ иконою

*) Артосъ — слово греческое, значить хлѣбъ.

**) Этой молитвы, а равно и молитвы на раздробленіе артоса, нѣтъ ни въ двѣднхъ тріодахъ, ни въ требникахъ позднѣйшаго изданія, — она помѣщена въ требникахъ Сратинскомъ, Іосифовскомъ, Могилинскомъ и нѣкот. др.

Спасителя вмѣстѣ съ иконою воскресенія. Въ монастыряхъ, гдѣ есть общія трапезы, артосъ обыкновенно ежедневно, въ продолженіе всей свѣтлой седмицы, переносится на время обѣда изъ храма въ трапезу. Это перенесеніе артоса совершается торжественнымъ образомъ: впереди несутъ два подсвѣчника съ зажженными свѣчами, за ними — крестъ и двѣ хоругви; позади ихъ идутъ пѣвчіе съ пѣніемъ: «Христосъ воскресе», потому діаконъ въ полномъ облаченіи несетъ на блюдѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на головѣ, артосъ; за нимъ идетъ іерей съ иконою воскресенія, а вслѣдъ за нимъ настоятель съ братією, при этомъ бываетъ торжественный колокольный звонъ. Въ трапезѣ артосъ полагается на особомъ мѣстѣ, рядомъ съ иконою воскресенія, а по окончаніи обѣда переносится на столъ при пѣніи: «Христосъ воскресе». Затѣмъ келарь поднимаетъ артосъ крестообразно и возглашаетъ: «Христосъ воскресе!» и получивъ отъ братіи отвѣтъ: «воистину воскресе!» подноситъ артосъ для цѣлованія настоятелю и всей братіи; по окончаніи цѣлованія артосъ, съ такимъ же торжествомъ переносится опять въ церковь, гдѣ онъ находится въ продолженіе всей седмицы. Въ субботу свѣтлой седмицы или въ Ѣомино Воскресенье, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Ѣоминъ понедѣльникъ артосъ раздробляется и раздается вѣрующимъ. Получивъ частицы артоса, православные хрістіане хранятъ его благоговѣйно въ своихъ домахъ и употребляютъ въ праздники прежде всякой другой пищи, а въ случаѣ болѣзни и въ простые дни.

Откуда появился этотъ обычай? Что онъ означаетъ? И почему такое уваженіе вѣрующіе оказываютъ артосу? — На эти вопросы отвѣчаетъ слѣдующее преданіе, записанное Симеономъ

Солунскимъ *): по вознесеніи І. Христа на небо, вѣрующіе проводили время въ Сіонской горницѣ, куда они собирались для молитвы, и благочестивыхъ бесѣдъ, въ которой раздѣляли между собою и скромную пищу. Разговаривая между собою они часто вспоминали Христа, Его послѣднія явленія и бесѣды съ ними. Имъ живо помнились слова Христа: «се азъ съ вами есмь во вся дни» (Мѡ. 28, 20); они чувствомъ живой вѣры какъ-бы ощущали Его присутствіе съ ними, только не видѣли Его тѣлесными очами. Естественнымъ выраженіемъ этой вѣры было то, что они, садясь за столъ, оставляли незанятымъ то мѣсто, на которомъ возлежалъ вмѣстѣ съ нимъ І. Христосъ, а на столѣ, противъ этого мѣста, полагали какъ-бы для него часть хлѣба; да и самый хлѣбъ могъ напоминать имъ Христа, Который часто называлъ себя хлѣбомъ «Я есмь хлѣбъ жизни,» «Я хлѣбъ живой, сшедшій съ небесъ» (Іоан. 6, 48, 51),—говорилъ неоднократно Онъ. По окончаніи трапезы, они, принося благодареніе Богу, обыкновенно возглашали: «Христосъ воскрес!» Разойдясь, по сошествіи св. Духа, въ разныя страны для проповѣди о Христѣ, они распространили этотъ обычай и во всѣхъ основанныхъ ими церквахъ. Но съ теченіемъ времени, этотъ обычай, соблюдавшійся первоначально ежедневно, былъ приуроченъ отцами церкви къ празднику Воскресенія Христова и сохранился до настоящаго времени. **)

*) Сумеонъ, архіепископъ Солунскій жилъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка.

**) Въ томъ же преданіи говорится, что Божія Матерь на третій день по своему успеніи явилась апостоламъ по окончаніи обѣда и сказала: „радость! се азъ съ вами есмь во вся дни“. Въ память этого явленія апостолы, при воспоминаніи воскресшаго Христа, стали присоединять къ Его имени и имя Божіей Матери, чему стали подражать и христіане послѣдующихъ вѣковъ,—отсюда обычай съ именемъ Христа дѣлать на артосѣ иногда изображеніе имени Божіей Матери.

артось служить намъ напоминаніемъ о томъ, что воскресшій Христось, общавшійся быть съ нами «во вся дни до скончанія вѣка», невидимо присутствуетъ среди насъ, видитъ наше торжество и благословляетъ нашу радость о Его воскресеніи. Когда мы выносимъ частицы артоса въ свой домъ и хранимъ ихъ, то это дѣлаемъ въ память нашего пребыванія со Христомъ и Его присутствія на нашемъ Пасхальномъ торжествѣ.

Третій обычай, связанный съ днемъ Пасхи,—это освященіе яствъ для домашняго употребленія. Обычай этотъ также древній; указанія на него можно видѣть въ первые вѣка христіанства. *) Въ молитвахъ, которыя читаются надъ яствами, призывается Божіе благословеніе на яства и вкушающихъ отъ нихъ. Обычай этотъ въ нашу русскую церковь перешелъ изъ церкви Греческой и сохраняется до настоящаго времени.

Въ Сѣверо-восточной Руси этотъ обычай, какъ завѣтъ старины, всегда свято соблюдался и никто никогда не возставалъ противъ него; не то мы видимъ въ Руси Юго-западной. Дѣло въ томъ, что здѣсь въ XVI вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе, установился неправильный взглядъ на пасхальныя освященныя яства, въ силу котораго имъ приписывалось многими гораздо большее значеніе, чѣмъ какое они имѣли. Этотъ неправильный взглядъ на священныя яства былъ причиною того, что патріархъ Антиохійскій Іоакимъ, временно завѣдывавшій также и Константинопольскимъ патріархатомъ, во время посѣщенія своего въ 1586 году юго-западной Руси подвергъ осужденію чрезмѣрное уваженіе южно-русскаго народа къ пасхальнымъ яствамъ, а Константинопольскій патріархъ

*) Напримѣръ, о немъ упоминаетъ Ціаконій въ борьбѣ съ Манихеями.

Теремія въ 1589 году прямо предписалъ «считать простыми, а не святыми пасхальныя хлѣбы» и тѣхъ, кто думалъ иначе, отлучать отъ церкви. Такое же постановленіе было сдѣлано соборомъ шести епископовъ, съѣхавшихся въ Брестъ въ 1590 году; эти постановленія патріарховъ и епископовъ были причиною того, что Львовское братство прямо запретило приносить пасхальныя яства въ церковь для освященія; но противъ этого запрещенія возсталъ епископъ Гедѣонъ Балабанъ, желая только одного, чтобы «съ посвященія тыхъ брашенъ не волхвовали и чаровъ не плодили, яко о томъ слышится; но удѣливши того брашна убоzimъ, заразы все потреби». *) Споръ между Гедѣономъ и братствомъ продолжался долго; дѣло доходило даже до патріарха, но древній обычай остался неизмѣннымъ и вѣрующіе попрежнему въ день Пасхи насили яства въ церковь для освященія.

Весьма естественно, что въ это время, съ цѣлю ослабить въ глазахъ народа значеніе освященныхъ яствъ былъ введенъ обычай, существующій и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, покупать просфору и ею разговляться. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный обычай во многихъ мѣстахъ утратилъ свой смыслъ, такъ какъ просфора покупается въ оградѣ церковной, не подается даже на проскомидію и поэтому не имѣетъ того священнаго значенія, какое имѣютъ яства, освященные молитвою и окропленные святою водою.

Въ настоящее время разниа между Великороссією и Малороссією относительно соблюденія этого обычая состоитъ въ томъ, что въ Великорусскихъ губерніяхъ приносится въ церковь для освященія только хлѣбъ, называемый куличемъ, такъ

*) Акты юго-зап. Россіи. Т. IV, стр. 40.

сказать домашній артось, яйца и Пасху изъ сыра, а въ Малороссіи кромѣ того приносятъ еще жареннаго поросенка, замѣняющаго агнца, масло, сало, словомъ—всего понемножку. Притомъ, въ Великороссіи, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, нѣтъ обычая къ Пасхѣ «украшать столъ», которому посвящается въ Малороссіи такъ много заботъ и силъ въ дни страстной седмицы. Прискорбно только то, что онъ большинство женщинъ уподобляетъ Марѣ *«пекущейся о мнозѣ службѣ»* и заставляетъ ихъ забывать въ эти великіе дни о *«единомъ на потребу»*.

Вотъ какіе обычаи соединяются у православныхъ христіанъ съ празднованіемъ Пасхи. Дошли они до насъ, какъ мы видѣли, изъ глубокой древности, неизмѣнно сохраняемые православною церковію. Но они только тогда для насъ будутъ имѣть надлежащую цѣну, когда мы будемъ понимать ихъ внутренній смыслъ, и когда наше поведеніе въ святую недѣлю не будетъ омрачать той чистой радости, которую хочетъ возбудить и сохранить въ насъ св. церковь.

И. Лебедевъ.

III. Рѣчь, произнесенная въ домѣ Преосвященнаго Веніамина, Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго 12-го Апрѣля, въ день поздравленія Его Преосвященства корпорациею наставниковъ Семинаріи съ награжденіемъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени,

Ваше Преосвященство,
Преосвященнѣйшій Владыко.

Корпорация служащихъ въ семинаріи долгъ и честь имѣетъ поздравить Ваше Преосвященство съ Монаршею милостію,

обнаменовавшею нынѣ отлично усердное служеніе Ваше Св. Православной церкви и ревностное попеченіе о благоустроеніи Черниговской епархіи.

Честь и слава Ваша глубоко-радостно ощущается и нашими сердцами, потому что эта честь, Вашимъ заслугамъ справедливо возданная, отражается своимъ отблескомъ какъ на нашемъ учебномъ заведеніи, составляющемъ одну изъ важныхъ частей Вашего Епархіальнаго управленія, такъ и на нашемъ скромномъ служеніи, направляемомъ Вашимъ мудрымъ руководствомъ.

Благоволите, Преосвященнѣйшій Владыко, дать мѣсто выраженію при этомъ и моихъ личныхъ чувствованій.

Подъ начальствованіемъ Вашимъ, въ разныхъ мѣстахъ и на различныхъ поприщахъ дѣятельности я имѣю счастье служить уже болѣе десяти лѣтъ. Въ лучшее время для Воронежской семинаріи Вашего Ректорства въ ней я состоялъ преподавателемъ. Я былъ еще болѣе счастливъ, когда Богу угодно было, чтобы я принялъ рукоположеніе въ священство отъ Святительскихъ рукъ Вашего Преосвященства, въ незабвенное для Воронежской епархіи время Вашего архіерейскаго въ ней служенія. Наконецъ Господь благословилъ мѣ, для меня неожиданно, служить въ качествѣ начальника здѣшней семинаріи подъ главнымъ руководственнымъ управленіемъ Вашего Преосвященства.

Во всѣхъ этихъ видахъ моего служенія я имѣлъ счастье всегда пользоваться не только Вашими мудрыми совѣтами, наставленіями, указаніями и руководствомъ, но и высокимъ вниманіемъ и благорасположеніемъ Вашего Преосвященства.

Глубоко чувствуя все это въ своемъ благодарномъ сердцѣ, я считаю долгомъ и счастьемъ для себя принести Вашему

Преосвященству нынѣ преискреннѣйшее поздравленіе съ Монаршею Высочайшею милостію и сердечное пожеланіе пользоваться таковою на многія и многія лѣта Вашей жизни и Вашего много-и благо-плоднаго архипастырскаго служенія Церкви, Государю и Отечеству.

Протоіерей *Н. Марковъ.*

IV. Рѣчь произнесенная 13-го Апрѣля въ архіерейскомъ домѣ въ день поздравленія Его Преосвященства, Епископа Веніамина училищною корпораціею съ награжденіемъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени.

Ваше Преосвященство
Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Корпораціи Черниговскаго духовнаго училища, движимаая чувствомъ глубочайшаго уваженія и сыновней преданности къ своему милостивому Архипастырю, съ честью имѣетъ почтительнѣйше поздравить Ваше Преосвященство съ высокою Монаршею милостію, съ награжденіемъ Васъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Всѣмъ намъ, служащимъ подъ архипастырскимъ управленіемъ Вашего Преосвященства, весьма отрадно, въ сія радостные для всего православно-христіанскаго міра дни св. Пасхи привѣтствовать Ваше Преосвященство съ столь высокою Царскою милостію, которая есть справедливое воздааніе пререждающей власти за тѣ неуспынные и благотворные труды, какіе Вы несете, по управленію столь обширною и многолюдною епархіею, какова Черниговская, и несете—до самопожертвованія, не щади своихъ силъ и здо-

ровья для блага ввѣренной Вашему управленію Епархіи и ея пасомыхъ. Обширная и многоплодная дѣятельность Вашего Преосвященства, въ одинаковой мѣрѣ усматриваемая по всѣмъ отраслямъ епархіальнаго управленія, является, въ видѣ добраго генія, особенною животворною и зиждительною силою въ жизни Черниговскихъ духовно-учебныхъ заведеній, а въ частности—въ жизни нашего духовнаго училища, которое подъ мудрымъ архипастырскимъ водительствоъ Вашего Преосвященства, постепенно приходитъ отъ силы въ силу, замѣтно улучшается и совершенствуется во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ отношеніи учебно-воспитательномъ, такъ и экономическомъ. Та свобода, та непринужденность въ трудѣ, та автономія въ управленіи и дѣятельности, то поощрительное вниманіе къ труду, которыми пользуются служащіе при училищѣ въ своей служебной дѣятельности, благодаря высоко-гуманному и строго—справедливому отношенію Вашего Преосвященства какъ къ цѣлому учрежденію вообще, такъ и къ личности каждаго въ отдѣльности,—развивали въ каждомъ изъ служащихъ глубокое сознаніе служебнаго долга, чувства любви и уваженія къ закону, и каждый изъ нихъ старается нести и отправлять свои служебныя обязанности честно, добросовѣстно, старается вложить въ свое дѣло всю свою душу, чтобы быть истиннымъ дѣтелемъ, а не наемникомъ,—зная что онъ несетъ высокое и отвѣтственное служеніе въ дѣлѣ религіозно-правственнаго развитія и воспитанія дѣтей, этой будущей надежды Россіи, будущихъ сыновъ Церкви и Отечества, въ твердой увѣренности, что трудъ его, полезный самъ себѣ, по достоинству будетъ оцененъ справедливымъ и милостивымъ вниманіемъ Вашего Преосвященства.

Воспитанники нашего училища, благодаря архипастырской

заботливости Вашего Преосвященства, ни въ чемъ не испытываютъ особенной нужды; насущныя потребности ихъ въ достатѣ покрываются; воспитанники—сироты пользуются хорошимъ церковнымъ содержаніемъ, всѣми удобствами въ помѣщеніяхъ, хорошимъ и здоровымъ столомъ, получаютъ въ совершенномъ достатѣ одежду и обувь и все прочее, необходимое для ихъ школьной жизни, для ихъ тѣлеснаго и духовнаго развитія. Кромѣ заботъ о хорошемъ содержаніи воспитанниковъ—сиротъ, состоящихъ на церковномъ содержаніи, Ваше Преосвященство простираете еще свою архипастырскую отеческую милость на тѣхъ бѣдныхъ учениковъ училища, которые не пользуются церковнымъ содержаніемъ, благоволивъ 12-го сего Апрѣля, отъ собственныхъ щедротъ пожертвовать на пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ училища 300 руб. 50 коп. билетами. Усматривая въ семъ актѣ архипастырской милости Вашего Преосвященства особое благоволеніе къ Черниговскому училищу, правленіе училища священнѣйшимъ долгомъ для себя поставляетъ выразить Вашему Преосвященству глубочайшую свою благодарность за столь щедрое пожертвованіе и особое архипастырское вниманіе къ нашему учебному заведенію и его бѣднымъ воспитанникамъ.

Выражая отъ глубины души и чистоты сердца въ сей, знаменательный для насъ, день воодушевляющія насъ чувства высокой радости, чувства глубочайшаго уваженія и сыновней преданности Вашему Преосвященству, своему благостному Архипастырю и Отцу, мы молимъ Бога, чтобы Онъ, Верховный Мздовоздатель, Врачъ душъ и тѣлестъ, укрѣпилъ архипастырскія силы Ваши и продлилъ дни Вашей жизни на многіе годы для блага Черниговской епархіи и всѣхъ ея

пасомыхъ, для блага Черниговскихъ духовно-учебныхъ заведеній и въ частности, для блага, развитія и процвѣтанія нашего духовнаго училища.

Смотритель училища *М. Михайловскій*.

V. Педагогъ древняго классическаго міра— философъ Сократъ.

Эпоха древне-классическаго воспитанія теряется для насъ въ туманѣ древности, что мы незнаемъ даже высшихъ точекъ его развитія. Между тѣмъ, педагогика, какъ наука и какъ искусство, получила свое начало и широкое жизненное приложеніе въ древней Элладѣ. Съ одной стороны, самая жизнь Греціи, особенно Аѣинъ, была живою школою для юношества: эпическая поэзія Гомеровскихъ рапсодовъ живописала исторію народа въ типахъ героевъ и картинахъ событій; драматическая школа народнаго театра, воспроизводившая жизнь домашнюю, общественную, религіозную, возвышала душу зрителей до прекрасныхъ идеаловъ челоѣчности; площадь, на которой раздавались гармоническія рѣчи народныхъ ораторовъ, представляла живые образцы краснорѣчія и политической мудрости; портики и храмы, украшенные статуями и картинами, были художественными школами для развитія эстетическаго вкуса и чувства изящнаго; публичныя гимнастическія игры развивали энергію, ловкость и красоту въ юношескомъ тѣлѣ; публичныя философскія школы стремились раскрыть для молодыхъ пытливыхъ умовъ тайны начала и происхожденія всѣхъ вещей. Съ другой стороны, эта многосторонне-дѣятельная жизнь образовала цѣлый классъ или сословіе особыхъ учителей, которые учили юношество, стремившееся къ высшему практическому образованію, *мыслить, говорить и дѣйствовать*. Такъ-называемые грамматисты и софисты составляли это сословіе или классъ практическихъ учителей ¹⁾. Но совершен-

¹⁾ Этотъ взглядъ на положеніе и характеръ софистовъ, изложенный Льюисомъ въ особой монографіи, особенно обработанъ Гротомъ въ его превосходной „Исторіи Греціи“. Результатъ этихъ изслѣдованій таковъ: вопреки установившемуся понятію о софистахъ, какъ философской школѣ, они составляли классъ или сословіе учителей; они были учителями нравственности, стоявшіе ни выше, ни ниже своего времени.

нѣйшимъ типомъ педагога по высотѣ своей жизни и характера, по оригинальности предмета и метода обученія, по глубинѣ и силѣ интеллектуальнаго воспитательнаго вліянія былъ философъ Сократъ.

Съ этой точки зрѣнія личность и дѣятельность Сократа необыкновенно полно и рельефно рисуютъ предъ потомствомъ два ученика Сократовыхъ—Платонъ и Ксенофонтъ.

Ксенофонтъ, гений по преимуществу практической, въ своихъ „Памятныхъ Запискахъ“ передаетъ со всею искренностію и полнотою тѣ бесѣды Сократа, въ которыхъ онъ затрогивалъ вопросы жизни, съ цѣлію исправленія какихъ-либо общественныхъ или частныхъ пороковъ; но при этомъ ясно говорить, что Сократъ имѣлъ въ виду не только *обличить* порокъ и дать назиданіе, но главнымъ образомъ направлялъ свой безпощадный „эленхосъ“ къ тому, чтобы пробудить въ умахъ своихъ слушателей духъ самостоятельнаго изслѣдованія, *духъ мыслительный* въ отношеніи рациональнаго опредѣленія общихъ принциповъ образованія нравственнаго характера; слѣдовательно, преслѣдовалъ задачу не догматически-морализующую, но аналитически-образовательную: интеллектуальное воспитаніе, культуру духа.

Эта главная черта фізіономіи великаго философа-педагога исключительно и художественно-типически рисуется въ „Разговорахъ“ Платона, великаго спекулятивнаго гения и самаго тонкаго диалектика. Въ этой великолѣпной драматической картинѣ, гдѣ Протагоръ, Продикъ и Гиппій возлежатъ на ложахъ, окруженные толпою внимательныхъ учениковъ, гдѣ мы гуляемъ вдоль городскихъ стѣнъ, слушаемъ лекціи на берегахъ Иллісса, присутствуемъ на роскошныхъ пирахъ, оживленныхъ краснорѣчивыми спорами о любви ¹⁾, завязывавшимися между присутствовавшими тамъ, комикомъ Аристофаномъ, трагикомъ Агаономъ, врачомъ Эриксимахомъ и философомъ Сократомъ,—въ этой роскошной картинѣ, какъ средоточіе всѣхъ разнообразно-прекрасныхъ и свѣтлыхъ образовъ, какъ живой выступаетъ образъ стараго философа Греціи, кумира мыслящаго Аѣинскаго юношества, ясно и рѣзко выдѣляясь съ своимъ общечеловѣческимъ и индивидуальнымъ характеромъ, свидѣтельствующимъ, что самый тонкій и глубокій аналитическій гений мо-

1) Maurice, Moral and Metaphysical Philosophy. *Льюисъ*, Исторія философіи ч. II, стр. 267.

желать быть въ то же время и самымъ искуснымъ педагогомъ, и самымъ гуманнымъ человѣкомъ, исполненнымъ искренняго сочувствія и веселаго юмора.

Такимъ образомъ фizioномія Сократа у Ксенофонта и Платона различается, какъ копія одного и того же оригинала, проходящаго сквозь призму зрѣнія двухъ по уму и характеру различныхъ авторовъ; но обѣ картины, не противорѣча одна другой, восполняются взаимно и могутъ быть соединены въ одно согласное цѣлое¹⁾; какъ прекрасно пишетъ Гротъ, котораго великолѣпный во многихъ отношеніяхъ трактатъ о Сократѣ въ его „Исторіи Греціи“ служилъ намъ главнымъ пособіемъ.

Въ Сократѣ въ педагогическомъ отношеніи все замѣчательно и поучительно: характеръ и жизнь, посвященная истинѣ и увѣчанная мученичествомъ, задачи его философіи и методъ обученія, имѣвшій несравненное воспитательное дѣйствіе. Сократъ—это философъ-педагогъ „съ головы до ногъ“, если употребить Шекспировскій оборотъ рѣчи. Въ немъ мы видимъ глубоко-педагогическій *принципъ и методъ*, не только философски выработанный, но оригинально и цѣлостно проведенный во всей жизни и дѣятельности мудреца. Жизнь Сократа сама по себѣ представляетъ прекрасное объясненіе могущественнаго вліянія его обученія, а главнѣйшія особенности личности Сократа составляютъ высокія качества и черты его *педагогическаго характера*.

На основаніи мемуаровъ Ксенофонта и діалоговъ Платона, пользуясь результатами разработки этихъ свидѣтельствъ изъ первыхъ рукъ, а также учеными трудами изслѣдователей, каковы: Брандисъ, Целлеръ, Шлейермахеръ, Морисъ, Льюисъ, Гротъ, Карповъ, и позднѣйшимъ изслѣдованіемъ о Сократѣ Алберта²⁾, мы попытались сдѣлать очеркъ значенія Сократа, какъ философа-педагога, въ четырехъ главахъ, изъ которыхъ въ первой представляемъ краткую *педагогическую характеристику* Сократа; во второй—основные, общіе принципы Сократовой философіи—*исxологии*; въ третьей—педагогическій, культурный духъ Сократова *метода* и наконецъ, въ заключительной—значеніе дидактическихъ *пріемовъ*

¹⁾ Grote, v. VIII.

²⁾ Socrates. Versuch über ihn nach den Quellen. Von Alberti Dr. Göttingen. 1869 г.

Сократического метода, выражающих *духъ идеи рациональной педагогики и методики обученія.*

I. Педагогическій характеръ Сократа.

§ 1. Жизнь Сократа обнимаетъ 70 лѣтъ (отъ 468—399). По личнымъ духовнымъ и тѣлеснымъ, качествамъ Сократъ былъ человекомъ замѣчательнымъ и всегда выделялся изъ толпы. Его тѣлосложение отличалось здоровьемъ, крѣпостію и общало необыкновенную долговѣчность. Онъ обыкновенно велъ жизнь простую и воздержную. Необходимо ограничивать физическія потребности, говорилъ Сократъ, потому что они удаляютъ отъ совершенства боговъ, которые ни въ чемъ не нуждаются. Достиженіе этой цѣли дало ему возможность постепенно приобрести самообладаніе, спокойное довольство и независимость, — тѣ качества, которыя необходимо входили въ планъ его разумнаго *образованія характера.* Его организмъ способенъ былъ вынести всякое утомленіе и напряженіе и въ такой степени былъ нечувствителенъ къ холоду и жару, что Сократъ обходился одною и тою же одеждою лѣтомъ и во время зимы. Платонъ передаетъ намъ прекрасное изображеніе Сократа въ этомъ отношеніи.

„Одно время мы были соратниками, рассказываетъ Алкивиадъ у Платона, и имѣли общій столъ въ лагерѣ предъ Потидеей. Сократъ переносилъ лишенія не только терпѣливѣе меня, но и терпѣливѣе всѣхъ другихъ; когда, какъ часто случается въ походѣ, наши припасы оскудѣвали, никто не могъ выносить такъ голодъ, какъ Сократъ; а когда пища была въ изобиліи, никто не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ онъ. Зимой (а зимы въ тѣхъ мѣстахъ чрезвычайно суровы) онъ спокойно выносилъ невѣроятныя неудобства; между прочимъ, когда былъ несносный морозъ, и никто не выходилъ изъ палатокъ, или выходя окутывался, подвизывая шерсть подъ ноги и обертывая ихъ мѣхомъ, Сократъ носилъ тотъ же плащъ, которымъ одѣвался, и ходилъ босикомъ по льду гораздо спокойнѣе, чѣмъ тѣ, которые одѣвались гораздо старательнѣе, такъ что воины думали, что онъ издѣвается надъ ихъ невыносимостію. Стоило бы пересказать все, что этотъ мужественный человѣкъ дѣлалъ и переносилъ въ этомъ походѣ“... „Я не долженъ пропустить и того,

чѣмъ бываетъ Сократъ въ бою. Въ той битвѣ, послѣ которой полководцы назначили мнѣ награду за храбрость, Сократъ одинъ изъ всѣхъ явился спасителемъ моей жизни; онъ стоялъ подлѣ меня, когда я упалъ, получивъ рану, онъ спасъ и меня, и мое оружіе отъ рукъ враговъ. Я просилъ полководцевъ дать награду ему, какъ болѣе достойному. И ты не можешь отрицать, Сократъ, что, когда полководцы, желая почтить особу моего званія, хотѣли дать мнѣ награду, ты еще болѣе полководцевъ хотѣлъ, чтобъ эта слава досталась не тебѣ, а мнѣ "... „Надо было видѣть Сократа, когда наши войска были разбиты и обращены въ бѣгство при Деліумѣ. Въ это время я былъ между кавалеристами, а онъ пѣшкомъ, тяжело вооруженный. Послѣ окончательнаго пораженія нашихъ войскъ, онъ и Лахій отступали вѣстѣ. Я случайно встрѣтилъ ихъ и успокоилъ, говоря, что не оставлю ихъ. Такъ какъ я сидѣлъ верхомъ на лошади, и слѣдовательно, гораздо менѣе занятъ былъ своимъ собственнымъ положеніемъ, то мнѣ довелось лучше, чѣмъ при Потидеѣ, наблюдать, какъ прекрасенъ Сократъ въ эти минуты, какъ далеко превосходилъ онъ Лахіа присутствіемъ духа и мужествомъ... Онъ шелъ и смотрѣлъ величаво по сторонамъ, спокойно озираясь на друзей и враговъ; каждый издали могъ понять, что тотъ, кто осмѣлится напасть на него, встрѣтитъ отчаянное сопротивление. Такимъ образомъ онъ и его товарищъ ушли не вредимы, ибо во время бѣгства преслѣдуютъ и убиваютъ тѣхъ, кто бѣжитъ въ разсыпную, но не всѣ рѣшаются нападать на людей, являющихъ даже послѣ пораженія такое безстрашіе, какъ Сократъ“ 1).

Сократъ-грежданинъ былъ еще нравственно-мужественнѣе и неустрашимѣе Сократа-воина, представляя въ себѣ почти единственный въ исторіи примѣръ чловѣка, который могъ одинаково давать отпоръ и тиранніи, и необузданной толпѣ 2). Однажды тридцать тиранновъ дали ему и еще чотырремъ чловѣкамъ приказаніе привести Леона Саламинскаго въ Аѣины. Леонъ получилъ право аѣинскаго гражданства, но боясь жестокости тиранновъ, удалился въ Саламинъ. Сократъ на отрѣзъ отказался исполнить это порученіе. „Правительство, не смотря на свое могущество, не можетъ

1) Алкивиадъ въ Sympos. Платона. См. переводъ Карпова ч. 4. стр. 219—221.

2) Apologia стр. 430 ч. I переводъ Карпова. Ксенофонта Hellen. II. 3. 39; также въ примѣчаніи „Сочиненія Платона“ переводъ Карпова ч. I стр. 430—431.

заставить меня поступить несправедливо“, говорить самъ Сократъ. „Другіе четыре побѣхали въ Саламинъ и взяли Леона, я же пошелъ домой. Можетъ-быть, меня казнили бы за это смертію, если бы правительство вскорѣ не было свергнуто“.

Въ другой разъ Сократъ далъ столь же мужественный отпоръ бурной черни. Сократъ былъ эписитомъ въ тотъ день, когда должно было состояться несправедливое рѣшеніе по дѣлу адмираловъ, которые оставили не погребенными мертвыхъ послѣ битвы при Аргинузахъ. Послѣ этой битвы поднялась сильная буря, помѣшавшая адмираламъ взять тѣла убитыхъ. Они оставили нѣсколько таксіарховъ для исполненія этой священной обязанности. Сильная буря воспрепятствовала послѣднимъ исполнить это порученіе. Адмиралы преданы были суду. Указанныя, оправдывающія ихъ обстоятельства, естественно, подѣйствовали на народъ, который освободить бы подсудимыхъ, если бы вопросъ о винѣ ихъ пущенъ былъ немедленно на голоса. Но обвинители отложили собраніе до слѣдующаго дня, подъ предлогомъ, что темнота мѣшаетъ считать голоса по поднятымъ рукамъ. Между тѣмъ враги подсудимыхъ употребили въ дѣло все то, что можетъ воспламенить народныя страсти. Вопли и печальный видъ родственниковъ убитыхъ, нарочно отысканныхъ для этой трагической сцены, сильно подѣйствовали на народное собраніе. На голосованіе былъ предложенъ общій вопросъ: хорошо ли поступили адмиралы, оставивъ мертвыя тѣла; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ подсудимые, по рѣшенію сената, должны были быть присуждены къ смертной казни и къ конфискаціи имущества. Но законъ не допускалъ осужденія всѣхъ адмираловъ сразу по одному голосованію. Пританы съ Сократомъ во главѣ 1) отказались пустить противозаконный вопросъ на голоса. Народъ взволновался и сталъ громко требовать, чтобы преданы были суду люди, противившіеся его волѣ. Пританы, уstraшенные угрозою суда, уступали; одинъ Сократъ оставался твердымъ, не обращая вниманія на крики толпы. Онъ счелъ долгомъ служить

1) Афинская дума состояла изъ 500 выборныхъ отъ 10-и филъ. Члены каждой филы председательствовали поочередно въ продолженіи 35 дней и назывались пританами. Изъ 50 притановъ десятеро председательствовали каждыя семь дней, каждый день одинъ изъ десяти занималъ высшее мѣсто и носилъ титулъ эписита. Онъ велъ въ этотъ день всѣ дѣла народнаго собранія и на этотъ день ему доверялись ключи Акрополя и государственной казны.

правосудію и отказался допустить несправедливость. Вслѣдствіе его отказа вопросъ не могъ быть допущенъ на голосъ и былъ опять отсроченъ. На другой день предсѣдательствовалъ другой эписитъ, и адмиралы были подвергнуты осужденію 1).

Столь мужественно выполняя долгъ честнаго гражданина, Сократъ свято исполнялъ обязанности благочестиваго чловѣка. Избѣгая суевѣрій своихъ соотечественниковъ и дѣлая все, что было возможно, для ихъ нравственнаго вразумленія и просвѣщенія, Сократъ предвидѣлъ тотъ свѣтъ, который ирогоняетъ мракъ отъ души, „чтобы хорошо могла знать она Бога и чловѣка“, и чаялъ Того, „кто научить, какъ должно относиться къ Богу и къ людямъ“ 2). „Принося жертву, говорить Ксенофонтъ, Сократъ не боялся, что дары его не будутъ приняты, по ихъ скудности... Сократъ всегда считалъ неоспоримою истиною, что божеству всего пріятнѣе приношенія душъ благочестивыхъ и чистыхъ“. „Самыя прекрасныя моленія, говорилъ Сократъ, самыя дунія жертвоприношенія менѣе угодны Божеству, чѣмъ душа добродѣтельная, которая стремится ему уподобляться. Истинно праведны и мудры только тѣ, которые своими словами и дѣлами платятъ долгъ, лежащій на нихъ въ отношеніи къ Богу и людямъ“. Сократъ считалъ сумасшедшими всѣхъ тѣхъ, которые отрицали Божество, приписывали успѣхъ своихъ предпріятій одному только чловѣческому благоразумію. Не умнѣ считалъ онъ и тѣхъ, которые прибѣгаютъ безпрестанно къ гаданіямъ, какъ будто чловѣкъ долженъ совѣтоваться съ оракуломъ, кому дать править колесницей, умѣющему ли вздти или не умѣющему, кому поручить руль корабля, искусному или неискусному кормчему. Онъ считалъ также своего рода безбожіемъ досаждать Божеству просьбами о томъ, что мы можемъ узнать посредствомъ счета, вѣса или мѣры; ему казалось, что люди обязаны сами узнавать все, что Божество позволяетъ имъ знать, и обращаться къ нему только съ вопросами о вещахъ, превышаю-

1) Жизнь Сократа д-ра Видерса, стр. 51—55. Аполонъ въ своей „Исторіи философіи“ т. I, стр. 134. Ксен. Hellen. 4. 7. 14—38. Сл. Apologia ст. 430, въ переводѣ Карпова.

2) Платоновы разговоры „Второй Алкивиадъ“ и „Евтифронъ“ вполне доказываютъ несогласіе Сократа съ языческою міеологіей и отрицаніе политейзма. См. соч. Платона пер. Карпова, ч. 2. 480.

щихъ человѣческое пониманіе, и что оно всегда готово сообщить знаніе тѣмъ, которые стараются снискать себѣ его благосклонность ¹⁾.

§ 2. Ужъ и эти общія черты рисуютъ предъ нами характеръ Сократа въ высокой степени поучительнымъ; но ихъ педагогическое значеніе еще болѣе возвышается при другихъ болѣе характеристическихъ особенностяхъ личности Сократа, въ которыхъ выразился вполнѣ великій духъ и подвигъ жизни Сократа. Это—его долгая, безкорыстная и самоотверженная, *диалектически-образовательная* дѣятельность, проникнутая религіознымъ убѣжденіемъ въ томъ, что *дѣло его обученія и воспитанія есть призваніе божественное*, религіозное посланничество, которое онъ запечатлѣлъ и увѣнчалъ мученичествомъ. Оставивъ рано отцовское искусство скульптора ²⁾ Сократъ лучшую, зрѣлую половину своей жизни, до глубокой старости и трагической смерти, посвятилъ всецѣло и исключительно другому, самому благородному изъ всѣхъ человѣческихъ искусствъ—искусству воспитанія въ добръ юнѣшества, полного живыхъ стремленій, посвятилъ себя дѣлу обученія народа особымъ философскимъ методомъ, который онъ, съ свойственнымъ ему глубокимъ юморомъ, уподоблялъ занятію своей матери Финареты—повивальной бабки *τέχνη μαϊευτική*—акушерское искусство) ³⁾.

Замѣчательная, свойственная одному Сократу особенность въ дѣлѣ обученія состоитъ въ томъ, что онъ никогда не читалъ лекцій, а только разговаривалъ съ своими слушателями; не составлялъ систематическихъ руководствъ или книгъ, излагающихъ его ученіе, но постоянно бесѣдовалъ со всѣми. Нельзя также сказать, что онъ имѣлъ свою школу и учениковъ. Подъ именемъ учениковъ Сократа надо разумѣть людей, раздѣлявшихъ его убѣжденія, говорившихъ съ нимъ при всякомъ удобномъ случаѣ и окружавшихъ его всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся; а этими послѣдователями его была вся блестящая молодежь Аѣинская; въ послѣдніе же годы его жизни славное устное обученіе Сократа, подобнаго которому не было нигдѣ во всей Греціи,

¹⁾ Memorabilia 1, 3 гдѣ Ксенофонтъ „удивляется“ возможности обвиненія Сократа въ безбожій. Платоновы: Euthyphro и Alcib. II, См. переводъ Карпова ч. 1, 2.

²⁾ Въ Акрополѣ сохранялась группа Грацій до времени Пазванія, и ее показывали, какъ произведеніе Сократа. Gvotc v. VIII.

³⁾ „Мое повивальное искусство, часто говорилъ Сократъ, отличается отъ искусства моей матери только тѣмъ, что оно облегчаетъ роды мужамъ, а не женамъ, и оказываетъ помощь въ родахъ душъ, а не тѣлу.“

привлекло къ нему множество молодыхъ слушателей изъ Мегары, Эвиль, Элиды, и другихъ городовъ греческихъ. Мы поэтому не можемъ не называть его учителемъ, хотя самъ онъ всячески отклонялъ отъ себя это званіе, говоря, что его дѣло не учить, а только разговаривать ¹⁾; но въ этомъ-то діалектическомъ собесѣдованіи и заключается величайшее педагогическое значеніе метода, Сократа, который не имѣетъ себѣ равнаго во всей исторіи чело-вѣческаго воспитанія и культуры ума.

Своими діалектическими изслѣдованіями Сократъ поднималъ всѣ вопросы, касающіеся чело-вѣка и основныхъ нравственныхъ принциповъ. „Сократъ, замѣчаетъ въ своихъ памятныхъ запискахъ Ксенофонтъ, постоянно бесѣдовалъ о вещахъ чело-вѣческихъ, изслѣдуя, что такое благочестіе и безбожіе, что честно и что безчестно, что такое правда и что есть несправедливость, что есть мужество и что такое трусость, что такое знаніе и что есть неразуміе, какой нуженъ характеръ, чтобы быть полезнымъ людямъ и имѣть авторитетъ надъ другими. Сократъ считалъ необходимымъ сходиться и толковать вмѣстѣ, чтобы знать, что такое каждая вещь на самомъ дѣлѣ“.

Съ этою цѣлію умственного возбужденія другихъ, отъ ранняго утра и до поздняго вечера всюду въ публичныхъ мѣстахъ появлялся этотъ Силентъ ²⁾ (образъ, великолѣпно и глубокомысленно разъясненный въ одномъ изъ разговоровъ Платона по отношенію къ Сократу) съ обнаженнымъ черепомъ замѣчательно организованной головы, съ приплюснутымъ носомъ, съ толстыми губами, съ красными на выкатъ глазами; присоедините къ этому вообще его неуклюжую фигуру, особенную манеру держать себя, медленную походку, всегда босикомъ, и привычку стоять иногда по цѣлымъ часамъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, углубившись въ возникшую въ умѣ идею,—и намъ легко предположить, что такая оригинальная,

¹⁾ „Я никогда собственно не былъ ничѣмъ учителемъ, говоритъ самъ Сократъ, но если кто имѣлъ охоту слушать мои разговоры, и отдавался моимъ занятіямъ, и никогда не препятствовалъ ему въ этомъ, будь онъ юноша, или старикъ... Я однако готовъ спрашивать, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, и всякій, кто хочетъ, можетъ спрашивать и слушать меня. Если же кто полагаетъ, что онъ слышалъ что-нибудь отъ меня, или чему-нибудь научился, особенно такому, чего не слыхали и другіе, то знайте, что онъ говоритъ неправду“, замѣчаетъ Сократъ съ свойственною ему *ironie*. Соч. Платона въ переводѣ Карпова. Ч. 1, стр. 431.

²⁾ Sympos. Платона.

съ перваго взгляда комическая фигура останавливала многихъ вокругъ этого человѣка, а онъ тотчасъ начиналъ съ кѣмъ-либо свою обаятельную бесѣду. Онъ говорилъ съ каждымъ, — былъ ли то юноша, или старикъ, богатый или бѣднякъ, — съ софистами, съ политиками, воинами, купцами, ремесленниками, въ слухъ всѣхъ, которые его окружали. Его можно было видѣть и слышать бесѣдующимъ на торговой площади, на публичныхъ гуляньяхъ, въ гимназіяхъ для тѣлесныхъ упражненій и въ школахъ, гдѣ училось юношество ¹⁾. Такъ обыкновенно каждый цѣлый день Сократъ посвящалъ на обученіе посредствомъ своего діалектическаго „допрашиванія“. Всѣ другіе учителя или брали деньги за часы преподаванія, или преподавали отдѣльно отъ толпы въ частныхъ домахъ и садахъ избраннымъ ученикамъ, въ число которыхъ допускали слушателей по своему желанію. Сократъ не только не требовалъ и не бралъ никакой платы за свое обученіе ²⁾, но даже не дѣлалъ никакого различія между своими слушателями, никого не лишалъ своей бесѣды. Этотъ безкорыстный, всенародный и оригинальный образъ учительства дѣлалъ то, что его идеи обращались въ большомъ кругу слушателей и возбуждали умственные интересы во всѣхъ, приобрѣтая ему всеобщую извѣстность и множество горячихъ поклонниковъ, особенно между молодыми, даровитыми людьми, а въ то же время и значительное число личныхъ враговъ, возбужденныхъ его безпощаднымъ, по выраженію Грота, „крестовымъ походомъ противъ ихъ мнимаго знанія“, борьбу съ которымъ Сократъ считалъ задачею своего религіознаго посланничества.

§ 3. Убѣжденіе Сократа въ томъ, что его учительское призваніе есть религіозное, своего рода божественное, посланничество, составляетъ самую характеристическую особенность Сократа, какъ безкорыстнаго, самоотверженнаго воспитателя-миссіонера, — такую черту, которую упустивъ изъ виду, мы не были бы въ состояніи понять духъ его жизни и ученія.

Убѣжденіе въ религіозномъ освященіи своего дѣла Сократъ постоянно открыто высказывалъ самъ и особенно сильно выразилъ въ своей защитительной рѣчи предъ судебнымъ собраніемъ, обвиняв-

1) Memorabilia т. I.

2) Мемораб. I, 6, 13 и въ др. мѣстахъ Apol. Платона 29. Сравнивая истину съ юной дѣвой, Сократъ считалъ безчестнымъ продавать ее за деньги столько же, какъ безчестно для жениха продать дѣву, которая была бы ему обручена.

нимъ, его въ распространѣніи деморализующаго ученія и антирелигіозныхъ идей. Здѣсь Сократъ прямо и положительно заявилъ, что онъ съ самаго дѣтства привыкъ слышать внутренней божественный „голосъ“, который всегда останавливаетъ его, но никогда не побуждаетъ въ тотъ мигъ, когда онъ намѣренъ что-либо дѣлать, или говорить, чего не должно 1).

Позднѣйшіе писатели называютъ этотъ голосъ „демономъ“ или геніемъ Сократа, но самъ онъ, ни у Платона, ни у Ксенофонта, нигдѣ не олицетворялъ его, никогда не говорилъ о какомъ-то особомъ тенѣ или демонѣ, но всегда о чемъ-то демоническомъ (τὸ δαιμόνιον, δαιμόνιον τι, или τὸ δαιμόνιον, τὸ εἰσὸδες σημεῖον τὸ δαιμόνιον) то-есть, о знакѣ, объ указаніи, о божескомъ знаменіи, о божескомъ голосѣ 2).

Собираемъ здѣсь всѣ мѣста изъ разговоровъ Платона и сочиненій Ксенофонта, въ которыхъ выражаются убѣжденіе и взглядъ Сократа на этотъ предметъ, чтобы понять смыслъ „Сократова демона“.

„Во мнѣ, какъ я часто говаривалъ, бываетъ нѣчто божественное, демоническое, — говоритъ Сократъ въ своей апологіи на судѣ, — и я съ самаго дѣтства слышу въ себѣ какой-то голосъ, который всегда останавливаетъ меня, но никогда не побуждаетъ въ тотъ мигъ, когда мнѣ вздумается, что-нибудь дѣлать или говорить“ (чего, конечно, не слѣдуетъ). (Apol. въ переводѣ Карпова, ч. I, стр. 429).

„Лишь только я подумалъ, говоритъ Сократъ Федру, вдругъ мнѣ открылось божественное, столь обычное знаменіе (τὸ δαιμόνιον τε καὶ εἰσὸδες σημεῖον), а оно всегда удерживаетъ меня какъ

1) Apologia Платона. 22. Слич. переводъ Карпова, ч. I стр. 429. Ксен. Мемори. 1. 1. 4. IV. 8. 1.

2) Целлеръ II, 28. Это обстоятельство считали доказательствомъ «суетвѣрія» Сократа. Французскій писатель Lelut въ своемъ сочиненіи: «Du Démon de Socrate», которое произвело «впечатлѣніе», отразившееся и у насъ, вывелъ отсюда восхитительное заключеніе, что Сократъ былъ «умопомышанный человѣкъ». Перевести трактатъ Плутарха «De Genio Socratis» и говорить о «Demon de Socrate» значитъ впадать въ грубую ошибку. Много такихъ ошибочныхъ толковъ о демонѣ Сократа у различныхъ писателей. Климентъ предполагалъ, что δαιμόνιον Сократа могло быть геніемъ домашнимъ. Strom. v. p. 592. Лактанцій положительно превратилъ демониумъ въ демона. Апулей проложилъ дорогу для этого заблужденія своимъ трактатомъ: «De Deo Socratis».

скоро я намѣренъ что-нибудь сдѣлать, — даже будто слышался въ то мгновеніе и какой-то голосъ, останавливавшій меня“. Phaedr. въ переводѣ Карпова, ч. 4, стр. 44).

„По божественному опредѣленію, говоритъ Сократъ Theag., за мною „всюду слѣдуетъ геній: это голосъ, который въ минуту проявленія всегда даетъ мнѣ замѣтить, что я долженъ удержаться отъ того, что намѣренъ дѣлать, но не побуждаетъ къ чему, бы то ни было... и вотъ во мнѣ проявилось обычное знаменіе — демонъ (το εἰωδὸς σμρῆον — το δαιμόνιον). Theag., по переводу Карпова ч. 4, стр. 412, 414, Срав. Alcib. I, ч. 2, стр. 386. De Republ. VI, ч. 3, 323. Theaet. 151. Euthyd., ч. I, стр. 166).

„Мой opiekунъ, говоритъ Сократъ Алкивиаду, лучше и мудрѣе твоего Перикла“. — Кто же онъ, Сократъ? — „Богъ, который до настоящаго дня не позволялъ мнѣ говорить съ тобою“. Alcib., ч. 2, стр. 428. Ср. Ксенофонта Memor. I, 1, 4, IV, 8, 1).

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что Сократово то δαιμόνιον было не божество, а нѣчто божественное. Сократъ, какъ видно, хотѣлъ выразить не объективное существо божественное, но субъективное проявленіе въ человѣческой душѣ присущаго человѣческой душѣ божественнаго начала. Сличая съ частными признаками Сократова το θεῖον или το δαιμόνιον нѣкоторыя перифразическія выраженія Платона, Ксенофонта Аристотеля, профессоръ Карповъ полагаетъ, что подъ выраженіемъ το θεῖον или το δαιμόνιον Сократъ разумѣлъ божественное начало въ человѣческой душѣ, источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго въ области наукъ, искусствъ и практической жизни, — этотъ высшій внутренній голосъ, призваніе и руководственныя внушенія котораго Сократъ постоянно чувствовалъ въ глубинѣ своего великаго духа, стремившагося къ божественному свѣту истины, знанія, къ просвѣщенію и пробужденію дремлющихъ людскихъ умовъ. Такимъ образомъ, Сократъ первый указалъ внутреннія психическія основы религіознаго убѣжденія; божественное (το θεῖον) присуще духовной природѣ человѣка. Мы раздѣляемъ это воззрѣніе на „демона“ Сократова, какъ отвѣчающее дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ древности о семъ глубоко психическомъ явленіи.

Нѣкоторые новѣйшіе писатели смотрятъ на это выраженіе, какъ на чистую аллегорію, или даже на простую ироническую фразу

Сократа. Это мнѣніе совершенно противорѣчитъ тому чистосердечію, съ которымъ всегда говорилъ Сократъ объ этомъ убѣжденіи, и особенно одному обстоятельству, о которомъ, по справедливому замѣчанію Грота, не слѣдуетъ забывать: Сократъ говорилъ, что этотъ голосъ началъ ему слышаться съ самаго дѣтства и слышался до конца жизни. Такимъ образомъ, это было его твердымъ и постояннымъ жизненнымъ убѣжденіемъ.

Сократъ былъ человѣкъ глубоко религіозный и притомъ желчно-меланхолическаго темперамента (о чемъ упоминаетъ Аристотель¹⁾), которымъ во всѣ времена отличались люди необыкновенно-религіозные и способные къ такимъ восторгамъ духа, которые естественно могутъ быть принимаемы за непосредственные внушенія божества.

Другіе положительные способы, какими Сократъ, по его убѣжденію, получалъ повелѣнія свыше, изъ которыхъ Платонъ, а за нимъ Гротъ даютъ особенную важность въ жизни Сократа извѣстному отвѣту Дельфійскаго оракула²⁾, составляютъ характерную и исключительную принадлежность Сократа; но какъ мотивы внѣшніе, они имѣютъ все свое значеніе только при внутреннемъ настроеніи духа Сократа и складѣ его убѣждений. Его всеобъемлющая, мудрая душа, стремясь трудомъ непрестаннымъ и упорнымъ къ внутреннему общенію съ истиной, чтобы въ этомъ послѣднемъ открыть, какъ прекрасно выражается Морисъ³⁾, свѣтъ озаряющій путь жизни, естественно возвысилась до религіознаго сознанія святости своего дѣла, до убѣжденія въ божественномъ призваніи къ нему.

Вотъ почему написанное на Дельфійскомъ храмѣ изреченіе „познай самого себя“ было для Сократа священнымъ текстомъ, который онъ постоянно приводилъ своимъ слушателямъ и толковалъ между прочимъ такъ: познай свое незнаніе прежде всего, дабы твой умъ былъ свободенъ отъ главнаго заблужденія, самообольщенія, обмана въ знаніи безъ знанія на самомъ дѣлѣ, которое по-

1) См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова ч. 4 стр. 44 прим. 1. *Φύσιν μελαγχολικήν*. Problem.

2) На вопросъ Керееона Дельфійскому оракулу: „есть ли человѣкъ мудрѣе Сократа“, жрица отвѣчала, что нѣтъ мудрѣе его. *Apologia* Платона, гдѣ Сократъ самъ передаетъ этотъ отвѣтъ и раскрываетъ его значеніе въ своей дѣятельности *Gyote*, т. VIII. Сочиненія Платона, перев. Карпова. Ч. 1, стр. 411—432.

3) *Moral und Metaphysical Philosophy*.

мрачаетъ способности и мѣшаетъ людямъ быть истинно мудрыми, то-есть, стремиться къ знанію дѣйствительному 1).

Сократово отрицаніе знанія имѣло значеніе не скептическое, но педагогическое, какъ очищеніе ума, по выраженію Сократа. Сократъ не допускалъ, чтобы человѣкъ могъ знать то, къ изученію чего у него нѣтъ сознательнаго стремленія, къ чему онъ не прилагаетъ самостоятельнаго изслѣдованія; далѣе, онъ отрицалъ какъ слѣдствіе предыдущаго, что человѣкъ можетъ дѣлать то, чего онъ не знаетъ... Напечатлѣть въ умахъ своихъ слушателей отрицательное убѣжденіе касательно этихъ предметовъ—вотъ главная цѣль его разныхъ диалектическихъ бесѣдъ; но его нападенія имѣютъ положительную цѣль—уничтоженіе самообольщенія въ знаніи, побужденіе къ приобрѣтенію самостоятельнаго знанія. „Разрушить старыя духовныя развалины“, какъ прекрасно пишетъ Гротъ, „разобрать зданіе, чтобы вновь построить—это необходимая ступень духовнаго самосозиданія, самовоспитанія“.

Вотъ глубокое значеніе словъ Сократа: „я знаю, что ничего не знаю“ и смыслъ его безпощаднаго допрашиванія, испытующаго *ελεγχος*-а (обличенія) съ цѣлю очистить умъ, лишенный дѣйствительнаго знанія, отъ увѣренности въ знаніи.

„Такимъ изслѣдованіемъ и испытаніемъ, говоритъ Сократъ въ своей защитительной рѣчи, считая это своимъ божественнымъ посланничествомъ, я занимался долгое время и занимаюсь имъ еще и теперь. Я спрашиваю каждого, о комъ говорить молва, я доказываю ему, что ему весьма многого недостаетъ, для того чтобы быть мудрымъ. Выполняя эту свыше возложенную на меня обязанность, я такимъ образомъ оправдываю истинность божественныхъ словъ, что человѣческая мудрость ничтожна по своему объему и своему достоинству, и что тотъ въ самомъ дѣлѣ мудрѣе всѣхъ, кто, какъ Сократъ, болѣе всѣхъ сознаетъ и чувствуетъ свою незначительность по отношенію къ мудрости. Моя служба Богу не только заставляла меня жить въ постоянной бѣдности, презирать политическимъ значеніемъ, но и приобрѣла мнѣ жестокихъ враговъ, въ лицѣ тѣхъ самыхъ, которыхъ я испытывалъ и обличалъ...“

1) *Apoloigia* Платона 29 (ed. Bekker). Сл. переводъ Карпова ч. 1 ст. 414. Особоно *Alcib.* 1. ч. 2 стр. 436—443. Тамъ же стр. 414—415.

Но какъ бы ни была велика опасность и клевета, которую я навлекаю на себя, но было бы ужасно, если бы я, боясь смерти или еще чего, захотѣлъ оставить тотъ постъ, который мнѣ указанъ самимъ Богомъ,—обязанность жить для философіи и испытывать какъ себя такъ и другихъ. И если бы вы предложили освободить меня отъ суда подлѣ условіемъ, чтобъ я отказался отъ этого занятія, то я бы отвѣчалъ вамъ почтительно: я хочу слушать Бога болѣе чѣмъ васъ и буду постоянно испытывать васъ... Мое посланничество, какъ вашего увѣщателя, есть знанъ особенной къ вамъ милости Бога; когда вы меня осудите, вы много потеряете, потому что вы не найдете другаго такого человека. Можетъ быть вы спросите меня: „Зачѣмъ ты, Сократъ, не хочешь жить между нами въ мирѣ и молчаніи?“ Это вопросъ, на который весьма трудно мнѣ отвѣчать такъ, чтобъ это васъ удовлетворило. Если я скажу вамъ, что молчаніе съ моей стороны было бы непослушаніемъ Богу, то вы подумаете, что я шучу, и не повѣрите мнѣ, когда скажу, что высочайшее счастье, какое только можетъ быть для человека, это—бесѣдовать о добродѣтели и о другихъ предметахъ, о которыхъ я бесѣдую (какъ вы всегда слышите), испытывая себя и другихъ, и что жизнь безъ такихъ изслѣдованій—не жизнь. Однако же это въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ бы это ни казалось вамъ невѣроятнымъ.”¹⁾

Вотъ самыя многозначительныя и рѣшительныя слова рѣчи Сократа (какъ передаетъ ихъ Платонъ въ „Апологиі“), и если не войти въ духъ этихъ словъ искренно и вполне, то нельзя понять духъ характера и ученія Сократова. Въ нихъ мы видимъ искреннюю и положительную внутреннюю увѣренность Сократа въ религіозномъ значеніи его воспитательно-интеллектуальной культуры умовъ, въ божественномъ посланницествѣ, которое онъ совершалъ своимъ обученіемъ другихъ. Только эта самая могущественная сила религіознаго убѣжденія въ святости своего дѣла могла сдѣлать то, что въ Сократѣ внутреннее стремленіе къ умственному возбужденію и нравственному воспитанію другихъ, при необыкновенной педагогической силѣ ума и характера, осуществилось столь величественнымъ, несравненнымъ образомъ. Сократъ былъ не просто фи-

1) *Apologia* Платона. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова. ч. 1, стр. 424—438.

досифъ, но и религіозный миссіонеръ, воспитывавшій умы для жизненной философіи, „обличающій и убѣждающій богъ, сошедшій съ неба на землю для того, чтобы испытывать и убѣждать не твердыхъ по уму людей“, если смѣемъ употребить эти возвышенно-смѣлыя выраженія Платона о Сократѣ.

§ 4. Свою миссію возбужденія и развитія умовъ согражданъ и религіозное убѣжденіе въ святости своего призванія Сократъ запечатлѣлъ и увѣнчалъ мученичествомъ. Вышеприведенныя нами слова изъ защитительной рѣчи, сами по себѣ ясно выражающія высоко-нравственное религіозное начало воспитательной дѣятельности Сократа, пробуждаютъ воспоминаніе о трагическомъ концѣ жизни этого мученика за дѣло воспитанія и образованія другихъ и заставляютъ указать нашимъ читателямъ, какъ въ обстоятельствахъ суда надъ Сократомъ и его мученической смерти выразился всецѣло самоотверженный, миссіонерски-педагогическій духъ и характеръ Сократа.

Въ 399 году предъ Р. Х., послѣ тридцатилѣтняго публичнаго обученія согражданъ посредствомъ діалектическаго собесѣдованія со всѣми, когда Сократъ достигъ уже 70-и лѣтъ, противъ него возвысили голосъ три человѣка: одинъ изъ политическихъ вождей народа, ремесленникъ Анить, поэтъ Мелить и риторъ (учитель) Ликонъ. Они повѣсили на опредѣленномъ для того мѣстѣ обвиненіе Сократа въ слѣдующихъ словахъ: „Сократъ виновенъ въ преступленіи, потому что, во первыхъ, онъ не почитаетъ боговъ... и вѣторныхъ, онъ *развращаетъ юношество*. Наказаніе, какого онъ заслуживаетъ, смерть“¹⁾.

Неизвѣстно, какія личныя побужденія заставили именно этихъ людей и именно въ то время возвысить обвинительный голосъ про-

1) Гротъ Приведенная формула обвиненія еще во времена Фаворина сохранялась (во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х.) въ Аѳинскомъ μητρώον, то-есть, въ храмѣ матери всѣхъ боговъ. По свидѣтельству Діогена Лаэртія, на одной доскѣ въ этомъ храмѣ написаны были слѣдующія слова: «Τὰδε ἐγράφατο καὶ ἀνθρωπολογησατο Μέλιτος Μελίτου Πίτθεος, Σωκράτει Σοφρονίσκου Ἀλωπεκῆδεν. Ἀδικεῖ Σωκράτης οὓς μὲν ἡ πόλις νομίζει ἔσους οὐ νομίζων, θτερα δὲ καινὰ δαιμόνια εἰσηγούμενος, ἀδικεῖ δὲ καὶ τοὺς νέους διαφθείρων Τίμημα θάνατος» (11.40). См. сочиненія Платона въ переводѣ Карпова, ч. 1, стр. 417 прим. 2.

тивъ Сократа. Для нашей цѣли этотъ вопросъ не имѣетъ важности. Для насъ важно то самое главное обвиненіе Сократа, на которомъ преимущественно настаивали обвинители въ своихъ рѣчахъ предъ судебнымъ собраніемъ, и которое состояло въ томъ, что Сократъ развращаетъ юношество. Обвинители утверждали, что Сократъ преподаетъ деморализующее ученіе; что молодежь научается отъ него слишкомъ много думать о своей мудрости, не повиноваться внушеніямъ родителей, презрительно обходиться съ своими родственниками и благодѣтелями; что Сократъ внушаетъ юношеству такіа гибельныя правила: если кто въ чемъ нуждается, то не отъ родственниковъ долженъ ожидать себѣ помощи, но отъ тѣхъ, которые болѣе способны оказать такую помощь; напримѣръ, если кто боленъ, то долженъ просить совѣта у врача, а не у отца; что въ дружбѣ расположеніе имѣетъ мало значенія, важно то, чтобы быть способнымъ оказывать взаимныя услуги другъ другу; что ни къ кому не должно питать уваженія, кто не знаетъ, какъ слѣдуетъ честно поступать, и кто не можетъ этому научить другихъ. Онъ также (продолжали обвинители) приводить самыя худшія мѣста изъ поэтовъ и все съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы испортить, развратить молодежь, развивая преступныя наклонности и вредныя стремленія; такъ, онъ любитъ часто приводить мѣсто изъ Гезіода: »никакой работы не нужно презирать, презирать надо одну лишь праздность«; значить, говорили они, человѣкъ можетъ все дѣлать безъ зазрѣнія совѣсти, лишь бы имѣть выгоду.—Не многіе учителя избѣжали бы осужденія, еслибы приговоры о нихъ составлялись на такихъ доказательствахъ.

Въ „Апологіи“ Платона Сократъ особенно останавливается на обвиненіи въ безбожии, которое поддерживалъ изъ трехъ обвинителей Мелитъ; о всемъ прочемъ, что не содержится въ формулѣ обвиненія, и даже о второмъ пунктѣ обвиненія—въ развращеніи юношества—онъ говоритъ въ неразрывной связи съ первымъ обвиненіемъ—въ безбожии, какъ бы это мнимое развращеніе состояло въ безбожномъ ученіи. Но Ксенофонтъ передаетъ дѣло такъ, что обвинители, настаивая на томъ положеніи, что Сократъ преподаетъ деморализующее молодежь ученіе, имѣли въ виду нѣчто совершенно другое, отличное отъ его религіозныхъ мнѣній, именно обвиняли его въ томъ, что онъ учитъ юношество непослушанію родителямъ, неповиновенію отечеству и законамъ. Это обвиненіе для политиче-

скаго процесса было гораздо серьезнѣе, тѣмъ болѣе, что опроверженіемъ обвиненія въ безбожіи могло быть всеоповеденіе Сократа, который былъ такъ же точенъ въ исполненіи установленнаго закономъ культа, какъ и другіе граждане, и даже по свидѣтельству Ксенофонта, точнѣе другихъ. Вотъ почему мы привели нѣкоторые подробности обвиненія Сократа въ развращеніи юношества, по замѣчаніямъ Ксенофонта, — подробности, касающіяся преимущественно воспитанія нравственнаго характера, которыя мы еще добавимъ подробностями, касающимися политическихъ мнѣній, которыми будто-бы Сократъ настроивалъ молодыхъ людей не уважать существующій политическій порядокъ вещей и нарушать законы отечества. Такъ, по отзыву обвинителей, онъ часто проповѣдуетъ, что обычай Аѣинскаго народа — выбирать архонтовъ по жребію, неразуменъ; что никакой благоразумный человѣкъ не станетъ такимъ образомъ выбирать кормчаго или плотника, не смотря на то, что вредъ, какой можетъ произойти въ этомъ случаѣ отъ неудачнаго выбора, гораздо менѣе того, какой можетъ произойти при подобномъ выборѣ архонтовъ, — внушая такимъ образомъ молодымъ умамъ неуваженіе къ закону и отечеству, и дѣлая ихъ склонными къ нарушенію законовъ и къ революціоннымъ замысламъ. Далѣе, по отзыву обвинителей, любимымъ мѣстомъ изъ Гомера, которое Сократъ съ особеннымъ удовольствіемъ приводилъ въ своихъ бесѣдахъ, было то, въ которомъ говорится, что Одиссей гонить назадъ Грековъ, которые, соглашась на рѣчь Агамемнона, поспѣшно отправились къ своимъ кораблямъ. Одиссей лѣститъ предводителямъ тогда какъ къ народу обращается съ бранью и даже съ ударами своего посоха, хотя и тѣ, и другіе были виноваты въ одномъ и томъ же. Сократъ такъ будто бы толковалъ это мѣсто (утверждали обвинители). Гомеръ одобряетъ подобное обращеніе вождя съ бѣднымъ классомъ народа — съ демосомъ; и все-де это онъ дѣлалъ съ тѣмъ злостнымъ намѣреніемъ, чтобы развить въ молодежи деспотическія противобщественныя стремленія. Какъ на образецъ такого губительнаго вліянія, обвинители указывали на двухъ учениковъ Сократовыхъ, и притомъ особенно любимыхъ имъ — на Критія и Алкивиада, изъ которыхъ первый сдѣлался въ послѣдствіи самымъ хищнымъ изъ 30-и тиранновъ, а послѣдній, не смотря на свою гениальность, былъ величайшимъ деспотомъ, какого только сносила республика, и виновникомъ мно-

гихъ золъ для отечества. — Это обвиненіе особенно несправедливо въ отношеніи къ Сократу, который всегда обращался къ разуму людей, а не къ эгоистическимъ страстямъ, который никогда не упускалъ случая внушать строгое повиновеніе закону и самъ давалъ примѣръ такого выполненія законовъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ Сократовыхъ общественныхъ убѣжденій и идей объ отношеніи гражданина къ законамъ отечества, идей, которыя великій общественный воспитатель прививалъ всему юношеству, служить знаменитая просопопея законовъ въ Платоновомъ „Критонѣ“; идеи ея, по общему признанію, суть чисто Сократовскія идеи, и потому мы считаемъ умѣстнымъ привести ее здѣсь какъ поучительный урокъ истинно гражданскаго убѣжденія и патріотическаго чувства. Но не Критонъ приходитъ къ Сократу въ темницу и предлагаетъ ему возможность бѣжать. Сократъ, опровергая доказательства Критона въ справедливости этого поступка, говоритъ: „а что? Пусть мы вознамѣрились бѣжать, вдругъ приходятъ законы, и вступаясь за общее дѣло государства, говорятъ: скажи намъ Сократъ, что ты это задумалъ? Развѣ, по твоему мнѣнію, тотъ городъ можетъ существовать и не разрушиться, въ которомъ судебныя опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ они теряютъ свою важность и нарушаются частными людьми? скажи же, за какую вину нашу или общественную, ты хочешь погубить насъ? Во первыхъ, не мы ли родили тебя? Не чрезъ насъ ли твой отецъ женился на твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, отвергаешь ли ты тѣ изъ нашихъ законовъ, которыми крѣпятся брачныя узы? или тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ и подымаютъ управленіемъ которыхъ образовался самъ ты? Нѣтъ; но получивъ бытіе, воспитаніе, можно ли тебѣ сказать, что ты и не потомокъ нашихъ, и не рабъ? — А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что, когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, то имѣешь право не подчиняться нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось бы и праву твоего отца и праву господина, если онъ у тебя былъ, потому что, страдая отъ нихъ, тебѣ не позволительно бы было подвергать ихъ самихъ страданію, принимая побой — бить, и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ дѣлать это въ отношеніи къ отечеству и законамъ?... Ты забывъ, что отечество священнѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ, что оно досточтимѣе и выше ихъ и предъ

богами и предъ разумными людьми,—что предъ нимъ должно благоговѣть, и когда оно гнѣвается, покорствовать ему болѣе, чѣмъ отцу,—что повелѣваетъ ли оно дѣлать—надобно дѣлать, предписываетъ ли страдать—надобно страдать, притомъ молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти—надобно все исполнять. И вотъ справедливость: не уклоняться, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ дѣлать то, что повелѣваетъ городъ и отчество. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво, но въ отношеніи къ отчеству оно еще хуже. Что скажешь на это, Критонъ, правду ли говорятъ законы?—Да, кажется.—Смотри же, Сократъ, продолжали бы, вѣроятно, законы, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящий поступокъ, ты не правъ?.. Поэтому, повинулся намъ, не ставъ выше справедливости ни жизни, ничего другого... Вотъ слова, любезнѣйшій Критонъ, которыя я, кажется, слышу. Звукъ этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно сталъ бы утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего убѣжденія. Такъ сдѣлаемъ, Критонъ, то, къ чему ведетъ Богъ¹. Такъ заключилъ свою рѣчь о законахъ Сократъ. (Соч. Платона-перев. Карпова, ч. 2, стр. 26—34).

§ 5. Спокойствіе, торжественная важность, соединенная съ сознаніемъ святости своего дѣла, самоувѣренность мужественнаго духа, подвигающагося за истину—всѣ эти возвышенныя свойства его поведения въ теченіе суда надъ нимъ показываютъ, что онъ мало заботился о своемъ оправданіи и былъ убѣжденъ, что свыше назначено ему умереть по приговору суда, и это убѣжденіе побуждало его сдѣлать въ концѣ жизни самымъ лучшимъ подвигомъ всей его жизни. Спокойствіе въ немъ отъ дѣла, въ немъ отъ жизни, въ немъ отъ смерти. Съ такимъ убѣжденіемъ Сократъ явился на судъ. Съ этой точки зрѣнія защитительная рѣчь Сократа представляется не только величественно-трогательною и глубоко-поучительною, но и высказываетъ ясно сознанныя, намѣренно разчитанныя педагогическія цѣли. Оправданіе Сократа не похоже на рѣчь человѣка, который говорить передъ судилищемъ и оправдывается въ обвиненіи, заканчивающемся страшными словами: «наказаніе, котораго онъ заслуживаетъ, смертная казнь». Защита Сократа есть возвышенный урокъ для потомства,—урокъ свободного, мужественнаго, самоувѣреннаго сознанія и убѣжденія въ святости того дѣла, которое онъ совершалъ.

Гротъ, говоря о такомъ взглядѣ Сократа на его защиту, высказываетъ глубокое психологическое пониманье личности и характера Сократа.

„Мы не должны“, говоритъ онъ, „удивляться, что Сократъ имѣлъ такое убѣжденіе, если вспомнимъ о томъ всегдашнемъ перевѣсѣ въ Сократѣ внутренняго самосознанія и разумнаго, спокойнаго самообладанія, о томъ природномъ и еще болѣе разумно-выработанномъ безстрашномъ темпераментѣ, который заставляетъ молчать „то, какъ называетъ Платонъ, дитя въ насъ, которое дрожитъ передъ смертію“; когда вспомнимъ, какъ любилъ онъ то влияніе, которое производила его бесѣда; или вспомнимъ о томъ, что для него (по его собственному выраженію, приведенному нами изъ „Апологіи“ Платона) „жизнь безъ такихъ диалектическихъ изслѣдованій—не жизнь“, а между тѣмъ преклонный возрастъ (70 лѣтъ) Сократа скоро сдѣлалъ бы невозможнымъ продолженіе подобнаго рода влиянія; если, наконецъ, вспомнимъ, что такимъ образомъ ему представлялся прекрасный случай личнымъ примѣромъ дать самый поучительный урокъ“.

Не забудемъ при этомъ о томъ глубокомъ религиозномъ убѣжденіи Сократа въ своемъ миссіонерскомъ божественномъ посланничествѣ или призваніи, которое заставляло его въ осужденіи и мученичествѣ его за идею показать высшее свидѣтельство истинности своего убѣжденія, страданіемъ запечатлѣть святость своего дѣла. Такъ, или иначе, но собственныя слова, сказанныя Сократомъ передъ слѣдствіемъ и передаваемыя Ксенофонтомъ, объясняютъ духъ всей апологіи Сократа на судѣ и условливаютъ собою конечный результатъ суда. Когда другъ Сократа, Термоденъ, представлялъ ему дурныя послѣдствія небреженія его по отношенію къ защитѣ, онъ отвѣчалъ, что справедливая и безукоризненная жизнь, которую онъ, какъ сознаетъ, всегда велъ, есть самое лучшее приготовленіе къ защитѣ, и что когда онъ разъ было началъ думать о томъ, что лучше говорить, то привычное божественное знаменіе воспріятствовало ему защищаться. Затѣмъ онъ сказалъ, что не приходится ничего удивительнаго, въ томъ, что Богъ считаетъ для него лучшимъ смерть, чѣмъ продолженіе жизни. До сихъ поръ онъ жилъ вполне довольный, съ сознаніемъ постоянно возрастающаго нравственнаго совершенства, окруженный великимъ, не ослабѣвавшимъ

уваженіемъ своихъ друзей. Если же его жизнь продлится еще, скоро наступятъ преклонныя лѣта; вмѣстѣ съ чувствами зрѣнія и слуха онъ потеряетъ до нѣкоторой степени и часть своихъ духовныхъ силъ; а для него такая жизнь съ постояннымъ ослабленіемъ дѣятельности и достоинства — невыносима. Между тѣмъ, если его теперь осудятъ, это будетъ несправедливо, но это положить пятно на судей его, а никакъ не на него. Къ нему, напротивъ, послѣ этого даже болѣе усилятся сочувствіе и уваженіе: каждый сознаетъ, что онъ былъ праведный мужъ и учитель совершенства нравственнаго. Если самъ Сократъ не считалъ осужденія и смерти въ такомъ возрастѣ за несчастіе, но за милость Божію, то его лучший другъ и біографъ Ксенофонтъ, справедливо негодуя на обвинительный приговоръ, представляетъ родъ смерти Сократа, какъ предметъ торжества, какъ самую счастливую, самую высокую и самую легкую смерть, которою Божество запечатлѣло благодѣтельную и великую жизнь этого праведнаго мужа и учителя нравственнаго совершенства.

§ 6. Объясняя клевету обвиненія его ненавистью многочисленныхъ враговъ, которыхъ вызвало его безпощадное допрашиваніе, Сократъ раскрываетъ планъ своей миссіонерски-воспитательной работы надъ умами людей и зарожденіе въ собственномъ его умѣ того славнаго „Сократоваго“ метода, которымъ онъ всегда и вездѣ старался пробуждать духъ пытливости и изслѣдованія въ умахъ своихъ слушателей, въ чемъ и состоитъ настоящая мудрость, то-есть, въ чемъ заключаются условія дѣйствительнаго знанія.

Услышавъ, что оракулъ назвалъ его мудрейшимъ изъ людей, но зная себя человѣкомъ ничего не знающимъ, Сократъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе.

„Я пошелъ, говорить онъ самъ, къ одному изъ тѣхъ, которые славутъ мудрецами, думая, что у него скорѣй всего увѣрюсь въ ошибочности оракула и скажу: „этотъ человѣкъ мудрѣе меня“. Присмотрѣвшись къ этому человѣку и поговоривъ съ нимъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что этотъ человѣкъ казался многимъ другимъ, а въ особенности самому себѣ, мудрецомъ, но на дѣлѣ имъ не былъ. Тогда я попытался убѣдить его, что онъ только считаетъ себя мудрецомъ, но не есть собственно мудрецъ. Я только оскорбилъ этимъ и его, и многихъ слушателей. Уходя, я ска-

залъ самому себѣ: „я мудрѣ этого чловѣка, потому что, повидимому, ни одинъ изъ насъ не знаетъ ничего нужнаго, но онъ, не зная, воображаетъ, что знаетъ, а я дѣйствительно не знаю, но и не думаю, что знаю. Слѣдовательно, кажется, что я все-таки мудрѣ его.“ Потомъ я отправился къ другому, еще мудрѣ перваго, и пришелъ къ тому же результату; опять оскорбилъ и его, и многихъ другихъ. Продолжая поступать такимъ образомъ, я съ прискорбiемъ и страхомъ замѣтилъ, что наживаю себѣ враговъ; но надо было жертвовать всею для служенiя Богу, надо было изучать настоящiй смыслъ оракула и сходить ко всею, кто, повидимому, знаетъ что-нибудь. И вотъ, Аѳиняне, впечатлѣнiе, вынесенное мною: наиболѣе знаменитые люди показались мнѣ наиболѣе недостаточными; они знали многое, чего я не зналъ, и были настолько мудрѣ меня. Но каждый считалъ себя по этому самому наиболѣе свѣдущимъ и во всею другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ; эта самоувѣренность помрачила всю ту мудрость, которою они обладали. Такими поисками, Аѳиняне, я нажилъ себѣ, съ одной стороны, страшнѣйшихъ враговъ, возводившихъ на меня множество ложныхъ обвиненiй, а съ другой—прiобрѣлъ имя и репутацiю мудреца ¹⁾).

Заключая это типическое изложениe своихъ опытовъ допрашиванiя всею и каждаго, Сократъ рѣшительно уничтожаетъ обвиненiе въ безбожii, связывая вопросъ религiозный съ вопросомъ моральнымъ, педагогическимъ, которому онъ посвятилъ себя, какъ религiозный миссiонеръ, и говорить, что если бы онъ послушался этого призванiя, тогда бы справедливо подлежалъ отвѣтственности въ нерелигiозности; но что онъ, если даже и теперь оправдаютъ его, не можетъ и не намѣренъ оставить порученное ему посольство обученiя другихъ. Это посольство побуждаетъ его къ неутомимой дѣятельности, и молодые люди, стремясь къ образованiю, дѣйствительно плѣняются имъ, слушая его диалектическiя бесѣды, но въ доказательство обвиненiя, будто бы онъ развратилъ ихъ, не можетъ быть приведено никакого факта: нѣтъ ни одного ни изъ нихъ самихъ, изъ тѣхъ, кто былъ молодъ, когда слушалъ его, бесѣды, ни изъ ихъ родственниковъ, кто бы представилъ на это доказательства; между тѣмъ какъ онъ съ своей стороны можетъ

¹⁾ Apologia Платона Сл. Сочиненiя Платона въ переводѣ Карпова ч. I, стр. 411 412, 414.

представить многочисленныя свидѣтельства въ пользу своего воспитательнаго вліянія на нравственное усовершенствованіе юношества своими бесѣдами.

„Вамъ, можетъ-быть, не нравится тонъ моей рѣчи, обратился Сократъ къ своимъ судьямъ; вы, можетъ-быть, ожидали, что и я буду дѣлать то, что сдѣлала бы большая часть обвиненныхъ, которые, однакожъ, были въ меньшей опасности, чѣмъ я теперь,— что я буду просить, умолять васъ пощадить мою жизнь.... Не говоря уже о моей собственной репутаціи лучшаго между вами (заслуженной, или незаслуженной, какъ угодно, но для которой я считаю унижительною такой образъ защиты), я былъ бы виновенъ, если бы пытался своими мольбами преклонить васъ на свою сторону. Моя обязанность учить и убѣждать васъ, сколько возможно: вы клялись слѣдовать законамъ, высказывая ваше убѣжденіе, и не гнуть законовъ туда, куда клонится ваше пристрастіе, и вашъ долгъ выполнить это. Да будетъ далеко отъ меня намѣреніе пріучать васъ къ клятво-преступленію! Да будетъ далеко отъ васъ желаніе пріобрѣтать такую привычку! Итакъ, я предоставляю Богу рѣшить, что въ этомъ случаѣ лучше по отношенію ко мнѣ и къ вамъ“ 1).

По весьма вѣрному замѣчанію Грота, осужденіе Сократа, и то весьма незначительнымъ большинствомъ голосовъ, состоялось не столько въ силу обвиненій, сколько благодаря самому способу защиты обвиняемаго. Никогда еще Аѳинскіе декасты не слышали подобной рѣчи къ нимъ. Они привыкли къ тому, чтобы съ ними говорили съ униженною, льстивою покорностію, и вотъ теперь слышать они какъ одинъ философъ, хотя кумиръ мыслящаго юношества, но скромный старикъ-учитель учить ихъ самихъ, стоитъ передъ ихъ трибуналомъ безстрашнымъ и непоколебимымъ повелителемъ, ставя себя выше ихъ власти и въ тоже время ожидая ихъ приговора,— стоитъ предъ судомъ и торжественно заявляетъ свое божественное полномочіе на то, въ чемъ его обвиняютъ, человекъ, который объявляетъ себя вдохновеннымъ искоренителемъ самоувѣренности въ знаніи безъ знанія дѣйствительнаго 2).

Дѣйствіе, которое должна была произвести на судей такая защитительная рѣчь, Сократъ вполне предвидѣлъ самъ и потому

1) Apologia Платона. Сл. Переводъ соч. Платона Карпова ч. I. стр. 432—435.

2) Grote, Сл. Соч. Платона, переводъ Карпова, ч. I, стр. 435.

выслушалъ осужденіе и приговоръ безъ всякаго изумленія и неудовольствія, удивляясь только одному, ничтожному большинству, которымъ состоялся приговоръ (всего 5 или 6 голосовъ). Онъ сказалъ судьямъ, что вполне доволенъ результатомъ, какого достигъ. Божественное знаменіе, которое постоянно останавливало его прежде въ словахъ и поступкахъ, въ продолженіи дня не дало ему ощутить себя, и когда онъ говорилъ, ни разу не прервало его рѣчи. Это безмолвное успокоеніе внутренняго совѣтника не только заставляетъ его быть довольнымъ тѣмъ, что онъ говорилъ, какъ слѣдуетъ, но и увѣряетъ его въ томъ, что произнесенный приговоръ не есть зло, что смерть есть самое лучшее изъ всего, что только можетъ быть лучшимъ для него теперь, смерть есть переходъ въ другую новую жизнь, гдѣ онъ встрѣтитъ всѣхъ людей прошлаго и будущаго, такъ что онъ и тамъ можетъ продолжать съ ними то же самое дѣло взаимнаго наученія въ нравственномъ совершенствѣ и преуспѣяніи ¹⁾).

Заключительная рѣчь, произнесенная Сократомъ въ послѣднемъ обращеніи къ судьямъ, исполненная возвышенной трогательности, не только является высоко-поучительною, но и проникнута глубокимъ сознаніемъ воспитательныхъ цѣлей его поведенія на судѣ для потомства, убѣжденіемъ, что присудившіе его къ смерти не уничтожили этимъ *испытующаго духа*, что большое число молодыхъ людей уже носятъ въ себѣ зерно его, которое они разовьютъ, потому что съ этого времени ихъ не будетъ сдерживать его умолкающій авторитетъ.

„Ради весьма короткаго выигрыша во времени, вы навлекаете на себя обвиненіе, о Аѳиняне, со стороны недоброжелателей тѣмъ, что приговариваете къ смерти мудреца—Сократа (тѣ, которые захотятъ упрекать васъ, назовутъ меня мудрецомъ, если бы даже я и не былъ таковъ). Если бы вы подождали немного, дѣло сдѣлалось бы безъ вашего содѣйствія: вы видите мои лѣта, я много прожилъ и близокъ къ смерти. Я говорю это не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые голосовали за осужденіе меня на смерть. Я скажу имъ еще слѣдующее. Я осужденъ не по недостатку словъ, которыхъ могъ сказать въ свое оправданіе, а по недостатку дерзости и

¹⁾ Apologia Платона. Сл. Сочиненія Платона переводъ Карпова. Ч. 1, стр. 440, 441, 443.

безстыдства, — я не хотѣлъ говорить то, что вамъ было бы всего пріятнѣе слышать... Я гнушался сдѣлать или сказать что-либо недостойное свободнаго человѣка, и теперь не раскаиваюсь, что защищалъ себя такимъ образомъ. Лучше такая защита и смерть, чѣмъ иная защита и жизнь... Трудно, Афиняне, спастись не отъ смерти, а отъ вины, потому что вина быстрѣе смерти и скорѣе бѣжить. Меня, стараго, слабаго ногами, настигла смерть, еще тише шагающая, а моихъ обвинителей — они бодрѣе и сильнѣе — настигло быстрѣе шествующее злодѣяніе. Я приговоренъ къ смерти, а надъ ними истина произнесла свой приговоръ объ ихъ винѣ и несправедливости. Я покоряюсь моему наказанію, а они — своему. Но мнѣ хочется предсказать вамъ, о люди, осудившіе меня, что станется въ ближайшемъ затѣмъ времени. Я предсказываю, что тотчасъ послѣ моей смерти васъ поразитъ наказаніе, болѣе тяжкое, нежели то, къ которому вы меня приговорили. Многіе, которыхъ вы не видали, явятся требовать у васъ отчета. Они моложе и потому съ ними вамъ будетъ труднѣе справиться. Вы жестоко ошибаетесь, полагая, что, казня людей, вы запугаете и удержите другихъ отъ обличенія васъ. Невозможно и неблагородно защищаться такимъ образомъ, благороднѣе и легче не убивать другихъ, но постоянно стремиться къ достиженію большаго совершенства... Теперь намъ время растаться; мнѣ — умирать, вамъ — жить; но чья судьба лучше, это неизвѣстно никому, кромѣ Бога¹⁾.

Конечно, ничто болѣе не могло воспламенить энтузіазмъ молодыхъ людей къ процессу діалектическаго возбужденія умовъ, которые были уже къ тому приготовлены, какъ эта величественная и трогательная рѣчь передъ трагическою смертію великаго старца, учителя истины и мученика, защитительная рѣчь за пробужденіе любви къ истинѣ въ другихъ. „Онъ удалился изъ этого міра, прекрасно говорить Гротъ, какъ заходитъ великолѣпное тропическое солнце, удалился въ тотъ мигъ, когда уже видѣлъ близко грядущій упадокъ своихъ силъ, посвященныхъ воспитанію, съ приближившеюся дряхлою старостію“.

§ 7. Въ темницѣ, въ продолженіе мѣсяца до совершенія смертнаго

1) Apologia Платона переводъ Карпова Ч. I, стр. 439, 440, 443.

приговора ¹⁾, Сократъ проводилъ все время съ друзьями въ бесѣдахъ о предметахъ знанія и человѣческой жизни. Въ послѣднй день онъ бесѣдовалъ о *безсмертіи души* съ тѣмъ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, которымъ проникнуть духъ Платонова „Федона“. Помимо метафизическихъ доводовъ, большая часть которыхъ принадлежитъ Платону, тотъ живой образъ Сократа, который какъ бы смотритъ изъ рамъ этого высокаго произведенія, образъ невозмутимаго спокойствія, веселаго и даже шутливаго благодушія въ послѣдніе часы жизни запечатлѣнъ безсмертною красотой человѣческаго достоинства и святаго мученичества. Въ полномъ свѣтѣ предъ нами открывается здѣсь непреклонное убѣжденіе Сократа въ великомъ и священномъ дѣлѣ, каково воспитаніе человѣчества для умственнаго и нравственнаго совершенства, которое составляло столько лѣтъ главный и исключительный предметъ самой живой дѣятельности Сократа. Описаніе конца этой славной жизни до самаго мгновенія смерти передано въ рассказѣ Федона съ такою художественною правдою и прелестью, что его стоитъ читать и перечитывать.

„Окончивъ бесѣду (о безсмертіи души), онъ (Сократъ) всталъ и пошелъ въ другую комнату умыться. Критонъ послѣдовалъ за нимъ, намъ же онъ велѣлъ подождать. Мы ждали, вспоминая и разсуждая о томъ, что слышали отъ него; но временамъ мы заговаривали о его смерти и о томъ, какимъ великимъ бѣдствіемъ будетъ она для насъ; мы искренно сознавали, что остаемся на всю жизнь сиротами, какъ дѣти, лишенные отца. Когда онъ умылся, къ нему привели сыновей (у Сократа было двое маленькихъ и одинъ юноша). Ихъ сопровождали женщины, принадлежавшія къ семейству Сократа. Поговоривъ съ ними и заповѣдавъ имъ, что счелъ нужнымъ, онъ велѣлъ уйти мальчикамъ и женщинамъ, а самъ вернулся къ намъ. Солнце было уже на закатѣ, потому что онъ долго пробылъ въ купальнѣ. Вернувшись оттуда, онъ сѣлъ и уже говорилъ немного. Вошелъ слуга и обратясь къ нему сказалъ: „Я не замѣчаю въ тебѣ, Сократъ, того, что замѣчалъ въ другихъ; я думаю, что они сердились и проклинали меня когда, по приказанію, я объявлялъ имъ, что они должны выпить

1) Казнь, назначенная на другой день суда, была отложена до возвращенія кораблей по случаю праздника Делосской оеоріи. Grote, v. VIII. Сл. Phedon въ переводѣ Барцова ч. 2. стр. 60, 61, 63.

ядъ. Ты же, какъ я вижу, самый великодушный, кроткій и лучший изъ всѣхъ людей, когда-либо бывавшихъ здѣсь; я убѣжденъ, что ты сердился не на меня, но на виновниковъ твоего настоящаго положенія. Ты знаешь, на кого я намекаю. Теперь прощай! (тебѣ извѣстно, конечно, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ), будь счастливъ, старайся какъ можно спокойнѣе перенести эту необходимость“. При этихъ словахъ слугитель залился слезами и отъвернувшись вышелъ. „Будь счастливъ и ты“, отвѣчалъ Сократъ; потомъ, обратившись къ намъ, продолжалъ: „Какой ласковый человѣкъ! Все это время онъ заходилъ ко мнѣ и нерѣдко разговаривалъ со мною; это добрейшій человѣкъ, и теперь какъ искренно онъ оплакиваетъ меня! Послушаемъ его, Критонъ, прикажи, пусть кто-нибудь принесетъ ядъ, если онъ уже стертъ, если же нѣтъ, то пусть сотрутъ“. „Но еще не закатилось солнце, отвѣчалъ Критонъ, оно еще освѣщаетъ вершины горъ; да и притомъ же я знаю, что многіе выпивали ядъ очень поздно послѣ выслушанія приговора... Не спѣши же, время еще терпитъ“. Но Сократъ отвѣчалъ ему: „Тѣ, о которыхъ ты говоришь, Критонъ, имѣли основаніе поступать такъ: они думали выиграть что-нибудь этимъ; мнѣ нѣтъ причины дѣлать то же; замедленіемъ я не выиграю ничего, только сдѣлаюсь смѣшонъ въ своихъ собственныхъ глазахъ: зачѣмъ стану я привязываться къ жизни и беречь ее, когда она для меня ничто? Послушай же меня, Критонъ, сдѣлай, то, что я говорю“. Тогда Критонъ далъ знакъ мальчику, стоявшему подлѣ. Тотъ ушелъ и чрезъ нѣсколько времени вернулся съ человѣкомъ, который долженъ былъ поднести ядъ. Ядъ былъ уже приготовленъ и налитъ въ чашу. Увидя ее, Сократъ сказалъ: „Хорошо, мой мыль, но что же мнѣ дѣлать съ ядомъ, ты свѣдуешь въ этихъ дѣлахъ?“ „Ничего болѣе, отвѣчалъ тотъ, какъ выпивъ ядъ, ходить пока не почувствуешь слабости въ ногахъ, тогда лягъ, далѣе все сдѣлается само собою“. Съ этими словами онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ взялъ ее совершенно спокойно, не задрожалъ, не измѣнился въ лицѣ, но по обыкновенію, посмотрѣвъ пристально на человѣка, спросилъ его: „Какъ ты думаешь, можно ли отъ этого яда сдѣлать возліаніе кому-нибудь, или нѣтъ?“ „Мы натираемъ, отвѣчалъ тотъ, именно столько сколько нужно для того, чтобы выпить“. „Я понимаю тебя, сказалъ Сократъ, но, конечно, законно и справедливо молиться богамъ, чтобы мой переходъ изъ

этого міра въ тотъ совершился счастливо. Объ этомъ только я и прошу ихъ". Сказавъ это, онъ взялъ ядъ и совершенно спокойно, разомъ выпилъ его. До сихъ поръ большая часть изъ насъ, хотя съ трудомъ, могли удерживаться отъ плача. Но когда мы увидѣли, что онъ его выпилъ, мы не могли удержаться отъ рыданій.

„Одинъ только Сократъ оставался твердъ. „Что вы дѣлаете, друзья мои? воскликнулъ онъ. Я нарочно отослалъ женщинъ и дѣтей, чтобы онѣ не смущали насъ. Я слышалъ, что умирать надо среди счастливыхъ предзнаменованій. Успокойтесь, призовите на помощь всю свою твердость“. Услыша такія слова, мы покраснѣли и удержали слезы, и онъ сталъ ходить до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ тяжести въ ногахъ. Тогда онъ легъ навзничъ, какъ велѣлъ ему тотъ человѣкъ, который поднесъ ядъ. Немного спустя сей послѣдній ошупалъ ему ноги и колѣни. Онъ сильно придавилъ ногу Сократу и спросилъ, чувствуетъ ли онъ боль. Сократъ отвѣчалъ отрицательно. Потомъ онъ опять сталъ шупать его бедро, и, проводя рукою все выше и выше, показавъ намъ, что все тѣло Сократа было холодно и безчувственно. Сократъ также самъ сталъ ошупывать себя и сказалъ, что покинетъ насъ, когда ядъ дойдетъ до сердца. Нижняя часть живота его почти совсѣмъ охладѣла. Тогда онъ открылся (онъ былъ закрытъ) и сказалъ (это были его послѣднія слова): „Критонъ, мы должны пѣтуха Эскулапу. Исполни за меня этотъ долгъ, не забудь?“ „Исполню, отвѣчалъ Критонъ, но вспомни, не прикажешь ли еще чего-нибудь“. Сократъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ Критона. Не много спустя, онъ вздрогнулъ, и человѣкъ покрылъ его. Глаза Сократа остановились. Критонъ закрылъ ему ротъ и вѣки. Такъ скончался нашъ другъ, справедливѣйшій, мудрѣйшій, лучшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ современниковъ“ ¹⁾.

Такъ погибъ этотъ человѣкъ, самый простой, самый искренній, самый мужественный, глубоко религіозный, безкорыстно и самоотверженно преданный дѣлу образованія, мудрый философъ въ строгомъ смыслѣ слова и самый опытный и искусный педагогъ, доселѣ единственный живой, цѣльный педагогическій типъ, художественно воплощенный для потомства въ „Разговорахъ“ Платона ²⁾.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Phaedon Платона. См. сочиненія Платона въ переводѣ Карнова, часть 2, стр. 141, 142, 143, 144.

²⁾ Платонъ былъ въ существенномъ просто истолкователь идей Сократа, конче-

VI. Поученіе въ великій Пятокъ предъ Плащаницею.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Что дѣлать намъ, братіе, у сего гроба: лить ли слезы, или разглагольствовать? Жертва предъ нами кровавая! Весь избитъ, израненъ и положенъ во гробъ! Боже нашъ! Кто сей беззащитный страдалецъ? Чья безжалостная, безчеловѣчная рука нанесла Ему столь глубокія, смертельныя раны? Изумись вѣрующая душа—изумись христіанинъ! Предъ глазами твоими образъ Того, имъ же *вся быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1,3). Это Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи всего міра.—Это Богъ принявшій на себя плоть твою, дабы отдать ее на поруганіе и смерть, и тѣмъ искупить тебя отъ грѣха и смерти. И отдалъ! И поруганъ!

Ахъ братіе! Мы бы погибли, на вѣки погибли въ плѣну ада и смерти, если бы предвѣчная, безконечная любовь къ намъ Господа не умилостивила за насъ правосудія Творца, разнѣвавшаго нашею преступною волею, и не избавила насъ отъ вѣчной смерти. И вотъ безначальный, едиnorodный Сынъ Божій оставилъ Небо и пришелъ на землю; принявъ плоть нашу на Себя, со всѣми ея немощами, кромѣ грѣха, и претерпѣлъ, Самъ претерпѣлъ всѣ муки, заслуженныя нами, скажемъ болѣе, пролилъ кровь свою и умеръ за насъ на крестѣ. О братіе—христіане! Соберите ваши мысли, разсѣяныя по суетнымъ предметамъ міра сего, остановите ваше вниманіе на сей кровавой жертвѣ нашего искупленія;—подумайте, какою дорогою цѣною куплено наше вѣчное спасеніе и сознайтесь, какою праведный гнѣвъ призываетъ на преступную свою главу

ніальный съ нимъ. Платоновскаго Сократа отнюдь нельзя считать лицомъ фиктивнымъ, но для каждой черты его и для каждого мнѣнія, приписываемаго Сократу Платономъ, должны быть фактическія основанія. Jocrates... Upon Albert; Dr. Göttingen. 1869 г.

тотъ, кто за толикую безграничную любовь Господа платитъ Ему непокорностію, непослушаніемъ, — кто не усвоитъ себѣ заслугъ Спасителя, не пользуется искупленіемъ Его и продолжаетъ своими неправдами наносить Ему новыя, смертельныя раны, — своими грѣхами, такъ сказать, вторично распинать Его на крестѣ! Или таковой думаетъ, что онъ своими грѣхами угождаетъ Богу? Или, упова на безпредѣльную милость и человеколюбіе Божіе, надѣется, что Господь и еще придетъ на землю искупить его? Ахъ! Не обольщай себя никто этимъ. Придетъ, дѣйствительно, придетъ Господь паки на землю, но не съ тѣмъ что бы вторично отдать за насъ плечи Своя на раны и ланиты на заушенія, а придетъ открыть всѣ наши неправды предъ сонмомъ Ангеловъ и всѣхъ Святыхъ — Праведниковъ, — со славою придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и тогда, неисполнители воли Его святой вынуждены будутъ выполнить Его послѣднюю волю, когда изречетъ имъ: идите отъ Мене во огнь вѣчный.

Возлюбленныя чада мои духовныя и братія! Опять повторю, что намъ дѣлать у Гроба сего: плакать ли, или разглагольствовать? Но можетъ ли языкъ смертнаго выразить всю силу любви къ намъ Безсмертнаго? И что мы можемъ принести въ оправданіе нашихъ неправдъ предъ вѣчною Правдою? Въ часъ смерти дражайшаго Спасителя нашего природа ужаснулась: земля сотряслась, камни распались, солнце лучи свои сокрыло. Что же мы, братіе, сдѣлаемъ у сего гроба и плащаницы? Вотъ что. Раскроемъ предъ Спасителемъ нашимъ, лежащимъ во гробѣ, сердце наше, омоемъ слезами нашего раскаянія сіи глубокія Его раны, нанесенныя Ему нашими грѣхами облобызаемъ ихъ нашею пламенною любовію съ сердечнымъ обѣтомъ не растравлять ихъ болѣе своими неправдами; и изъ глу-

бины нашей души вѣроу воззовемъ къ Нему: Боже, Спасителю нашъ милосердый! Ты услышалъ гласъ благоразумнаго разбойника, покаившагося на крестѣ и изрекъ ему: *днесь со Мною будешь въ раи*: услыши и насъ, грѣшныхъ, недостойныхъ сердцемъ и слезами къ Тебѣ вопіющихъ у гроба Твоего, покрой насъ Твоимъ долготерпѣніемъ и любовію и помани и насъ, Господи, егда приидеши во царствій Твоемъ. Аминь.

Священникъ Черниговской Богоугодно-Заведенской Церкви
Петръ Олевскій.

ВІІ. Объявленіе Бр. МИЛЛЕРЪ.

Магазины маслянныхъ скоро-засыхающихъ и сухихъ красокъ. Всѣ принадлежности для живописцевъ. Всѣхъ сортовъ кисти. Полотно для живописи. Мастика для половъ. Сухія акварельныя краски. Лаки. Бронзы. Мазъ для осей.

Магазинъ: Крещатики д. Мищенко.

Контора, магазинъ и фабрика: Жилинская ул. собств. домъ 41.

Филіалъ подъ фирмою: И. К. Филлеръ на Падоль, Александровская площадь, въ Кіевѣ.

Цѣны масл. красокъ за пудъ безъ посуды (посуда отдельно считается).

Р. К.

Цинквейсъ бѣлый № 1-й пудъ 7 —

Цинквейсъ сизезскі № 0 „ 8 —

Бѣлила № 1-й „ 7 —

„ 2-й „ 6 —

	Р.	К.
Мѣдянки франц. чист.	пудъ	23 —
Мѣдянки № 1-й	„	12 —
Мѣдянки грунтъ	„	6 —
Охра жел. франц. для половъ	„	5 50
Сѣрая № 1-й сѣтл. для крышъ	„	6 50
„ „ 1-й тем. и стѣнъ.	„	6 50
Сурикъ свинц. для крышъ и желѣзн.	„	5 50
„ желѣзн. часть.	„	5 50
Муми № 1-й	„	5 50
Бѣлая, желтая, сѣрая, красная	„	4 50
Краска для грунтовокъ	„	8 —
Масло бѣлое для бѣл. красокъ	„	7 —
Масло вареное	„	7 —

По требованіи прейсъ-курантъ высылается бесплатно. 6—2

(ИЗВЕЩЕНІЕ)

Объявленіе о книгѣ: „ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННАТО БОГОСЛОВІЯ“, (безъ предварительной цензуры).

Въ трехъ выпускахъ:

- 1) «Современное общество».
- 2) «Религія и современное знаніе».
- 3) «Естественная религія и Откровеніе».

Цѣна за всѣ двѣнадцать книгъ по четыре книги въ каждомъ выпускѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Въ С.-Петербургѣ, въ центральномъ складѣ книгъ Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39, куда высылаются деньги и адреса.

Книги можно также получать; въ С.-Петербургѣ—у книгопродавца Тузова. Въ Москвѣ—у Оерапонтова и въ конторѣ А. С. Ушакова домъ Хлудова, близъ Биржи. Въ Кіевѣ—у Федорова и Оглоблина, на Крещатикѣ. Въ Харьковѣ—у Ив. Ив. Куколевскаго младшаго.—По 6 руб. за всѣ двѣнадцать книгъ.

При выпискѣ полнаго изданія т. с. 20 книгъ (первыя двѣ вмѣстѣ) болѣе 4000 печ. стр. высылается 11 р. и 3 р. на пересылку, всего 14 р., за второй и третій по 5 руб.

Объявленіе о книгѣ:

Обозрѣніе церковно-гражданскихъ узаконеній по духовному вѣдомству, (примѣнительно къ уставу духовныхъ консисторій и своду законовъ, съ историческими примѣчанія и приложеніями.)

Справочная книга, составилъ Я. Ивановскій. Цѣна 1 руб. 50 к., а съ пересылкою 1 руб. 75 к.

Получать можно; Въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Глазунова и Тузова (по Большой Садовой ул., противъ Гостиного двора), Печаткина, Литейная улица, д. № 36 и въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Тамъ же можно получать книгу: Краткій сводъ законоположеній, относящихся до церковныхъ старостъ Цѣна 60 к., съ пересылкою 70 коп.

Редакторъ, Протоіерей **Н. МАРКОВЪ.**

Печ. дозв.: Цензоръ, Каѳедра́льный Протоіерей *Григорій Діаконовъ.* 4 Мая 1884 года. Черниговъ. Губернская Типографія.